

А Н Т О Н

ЧИЖ

• холодные сердца •

Антон Чиж
Холодные сердца
Серия «Родион Ванзаров», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811519

Чиж А. Холодные сердца : роман: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64797-2

Аннотация

Черeda зверских убийств сотрясла уездный Сестрорецк: кто-то с особой жестокостью изуродовал трупы жертв, вырвав им сердца. Местная полиция в шоке, приходится звать на помощь столичного сыщика Родиона Ванзарова, уже успевшего снискать себе славу гения расследований. Красавцу и умнице Ванзарову предстоит окунуться в пучину мелодраматических страстей и вычислить хладнокровного убийцу в среде самых уважаемых жителей города...

Содержание

Часть I	10
1	10
2	49
3	82
4	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

АНТОН ЧИЖ

Холодные сердца

24 ноября одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года, когда морозы уже сковали голую землю, а снег присыпал ее мелкой крупой, дачный городок Сестрорецк был встревожен чрезвычайным происшествием.

Селение наше уездное устроилось на узком клочке меж Финским заливом и озером Разлив. С первыми майскими лучами оно наполняется шумной публикой из столицы и пустеет с сентябрьскими ветрами, погружаясь в дрему до весны.

Совершая утренний обход по прибрежной полосе, городской Шемякин обнаружил разодранную тряпицу. Быть может, он не обратил бы внимания на посторонний мусор, какой в изобилии имеется в общественных местах. Ему не показалось странным, что вот так, посреди пляжа, валяется принадлежность дамского гардероба. Не поленившись поднять вещь, на ощупь из нового шевиота, какой не пускают на половые тряпки, Шемякин заметил на разодранной блузке следы грязно-бурого вещества, от которого пахло свежей кровью. Своему носу Шемякин привык доверять, как самому приставу.

Затолкав в карман шинели находку, чтобы представить начальству для дальнейшего выяснения, городской тут же

наткнулся на новый сюрприз: тряпичный куль словно комкали в спешке. Материал светлого шелка, какой идет на юбку, украшали пятна, как бы проступившие наружу. Служба в маленьком городке, в котором редко что случается, усыпляет полицейское чутье, но как выглядит материя, пропитанная кровью, Шемякин знал.

Присев на корточки, он с некоторым усилием растянул концы, прихваченные морозом. Внутри открылось нечто, по форме напоминавшее крупную сморщенную свеклу. Скорее из любопытства, чем по соображениям рассудка, Шемякин поддел ее пальцем. Овощ лениво перевернулся, открывая полые щупальца, торчащие пучком. Городовой нахмурился, соображая, что это могло быть, как вдруг мысль простая и точная ударила ему в лоб. Да так, что он чуть не свалился. И сразу отбросил находку, словно взял в руки дохлую кошку. Взяв себя в руки, Шемякин нашарил свисток, упорно не желавший прыгать в пальцы, и дал двойную трель. Что означало, несомненно, тревогу. Прибыло подкрепление в лице соседних постовых. Втроем они еще раз осмотрели находку, стараясь не приближаться к ней, и пришли к неизбежному выводу: в таком деле без станового пристава не обойтись. Один остался сторожить, а двое направились в участок. Шемякин тер платком замерзшие руки. Все казалось ему, что на несчастном пальце опять и опять проступают багровые следы. Было от чего прийти в трепет: не каждый день городской находит вырезанное сердце.

Прибывший становой пристав, ротмистр Недельский, тоже не желал прикасаться к находке. Он питал надежду, что сердце потеряли растяпы-санитары из нашего лазарета или мясник обронил коровьи внутренности. Но по здравом размышлении понял, что надеяться на чудо не стоит. Уездный врач Асмус, вызванный в участок, куда доставили холодное сердце, подтвердил: безусловно, человеческое. И добавил, что в их заштатном лазарете не то что сердце вырезать – аппендицит удалить побоятся.

Признаки паники, охватившие полицейский участок, были подавлены строгим внушением пристава. Всем городовым в составе шестнадцати душ и двум чиновникам было приказано зашить рот суровой нитью и пикнуть не сметь, чтобы о происшествии не пронюхали жители города, а тем более репортеры из Петербурга. Их еще тут не хватало. В результате грозного внушения весь Сестрорецк через час судачил о невиданном событии.

Недельский учинил самый строгий розыск. Уже к вечеру было установлено: накануне барышня Анюкова вышла прогуляться и пропала. Юбка и блузка, показанные ее домохозяйке, были опознаны, после чего почтенная дама лишилась чувств. Барышня Анюкова была известна всему городу легким нравом и незатейливым поведением, но все-таки рамки приличия не переступала. Разве иногда называли ее за глаза... э-кх-м... но ведь и честную женщину порой обложат эдак ни за что ни про что.

Город и даже окрестности буквально перерыли снизу доверху. Но тело найти не удалось. Зато нашлись свидетели, которые видели, как Анюкова прогуливалась с чиновником в отставке Лапиным, известным пьяницей и бездельником, спускающим крохотную пенсию. Лапин был найден во дворе собственного дома в глубоком забытии. Разбудить его удалось только ведром ледяной воды. Когда же он продрал глаза, то слабо понимал, где находится и что происходит. Зато многое понял пристав. Одежду Лапина покрывали пятна бурого цвета. При обыске во дворе обнаружили поварской нож в засохших потеках и прилипших частичках чего-то вроде человеческой плоти. Трудно найти улики, изобличающие так полно.

Лапина препроводили в участок и подвергли допросу. Он ничего не помнил – ни что делал прошлым вечером, ни где был, ни как оказался дома. Он даже не мог вспомнить, с кем встречался, и встречался ли вообще. Под напором Недельского злодей вспомнил, что собирался провести вечер в приятной компании с барышней. Но назвать ее решительно отказался. Когда же пристав прямо спросил, где спрятано тело несчастной Анюковой, чиновник непонимающе уставился на Недельского. Предъявленные улики вызвали у Лапина явные признаки ужаса. Он все повторял, что не может вспомнить из прошлого вечера ничего, никого не убивал и не представляет, куда делась барышня Анюкова. Запирательства не помогли. Задержанный был препровожден в окруж-

ной суд. Между тем проведенный анализ следов на его одежде однозначно определил, что она испачкана человеческой кровью.

Случившееся было изложено в судебном деле ярко. Повстречав Анюкову, Лапин предложил прогуляться. Веселая барышня согласилась. По причине холодной погоды Лапин достал бутылку спиртного и угостил жертву. Сам тоже принял изрядную дозу. После чего в сознании его произошло отчаянное помутнение. Отведя ее в глухое место, он зарезал несчастную. Этого показалось мало, и он вырезал сердце, после чего надежно спрятал тело. Свидетели признали нож и даже вспомнили, что Лапин любил с ним гулять, похваляясь и демонстрируя ловкость в метании.

Показания свидетелей и улики были изобличающими. Лапин не смог опровергнуть ни одно из доказательств, лишь плакал и уверял, что не мог убить живого человека.

Дело было рассмотрено вскоре. На процессе Лапин божился, рыдал и падал на колени. Присяжные сочли доказательства вескими, а нежелание преступника указать, где спрятал тело, – отягчающим вину. Врачебной экспертизой он был признан вменяемым и дееспособным, а значит, заслуживающим самого сурового наказания: десяти лет каторги. Какие и получил по приговору суда.

Голова нашего городка, милейший Фёкл Антонович, был чрезвычайно доволен таким успешным разрешением дела, которое смыло пятно с любимого Сестрорецка, хвалил при-

става и городских. Только тело не нашли. Но об этом постарались забыть, как о мелком и неприятном недоразумении.

Еще с месяц бродили самые удивительные слухи. Но и они утихли под влиянием спокойной жизни и целебного морского воздуха. Кроме того, Недельский считал непозволительными любые разговоры, когда дело раскрыто и приговор вынесен. А тело не нашли – не так уж это и важно. Напрасно он так думал.

Часть I

1

Предел сомнений

Июнь в северных широтах – месяц проникновенный. Каждая травинка и листочек, замученные холодной весной, спешат вытянуться к солнцу, показав себя во всей красе. Небо отмылось от слякоти, сверкая брызгами искр на обозримом пространстве залива. Даже песок, простой песок, горит белым золотом, словно без него не будет настоящего лета.

В такой удивительный день, а точнее, раннее утро, когда голова пуста от радостных предчувствий, а птички щебечут по кустам, в начале Дубковской улицы появился молодой человек. Одет он был чисто, но вид имел довольно растрепанный, словно пришлось пережить ему нечто волнующее. Галстук сбился, верхняя пуговица воротника предательски растянулась, из-под жилетки торчал кончик сорочки – верх неприличия, а прическа была в полном беспорядке, словно волосы его взъерошили пятерней. Он разглядывал отдаленный конец улицы, которую следовало бы назвать широкой просекой, так обильно росли по обе стороны ее деревья и

прочая зелень. Вдалеке, кроме зелени, решительно ничего не виднелось. И только самый внимательный взгляд приметил бы легкое облачко пыли, поднятое над сухой дорогой. Словно бричка проехала, оставив после себя исчезающий след. Молодой человек, укрываясь за густым орешником, упрямо разглядывал поворот, который дорога проделала среди деревьев.

Тяжко вздохнув, словно с души его свалился непомерный груз, он вынул карманные часы, нахмурился, что опоздает – а ему полагалось в это прекрасное утро спешить на службу, – и, выйдя из-за куста, торопливым шагом отправился в путь. Дойдя до перекрестка, где среди зелени виднелась дача с ажурными ставнями, он повернул направо. В этом не было ничего необычного, если бы короткая дорога к дому не лежала в противоположной стороне.

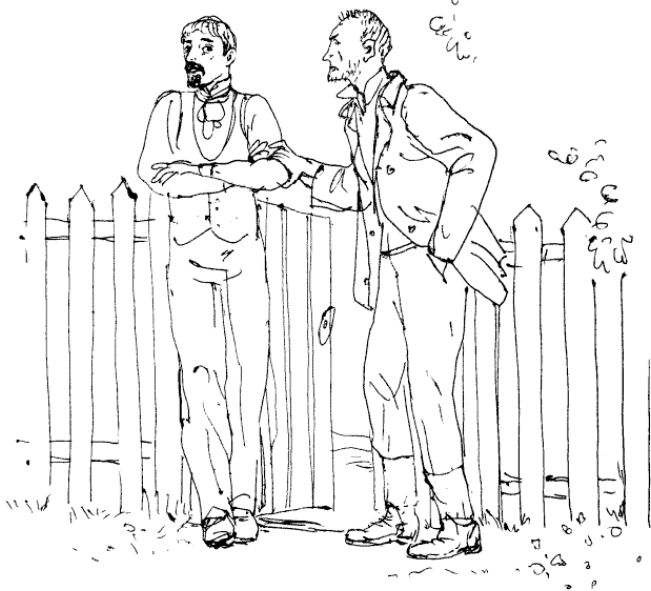
Дальнейший путь молодого человека представлял собой дугу, которая все дальше уводила его от истинной цели и лишь потом медленно приближала к ней. Попросту говоря, он кружил. Причем не забывал поминутно оглядываться, проверяя, нет ли за ним слежки. Где было возможно, держался вблизи заборчиков или прочих затененных мест, и вообще вел себя чрезвычайно странно. Так, что мог обратить на себя внимание городских. Но ему удалось избежать расспросов. Быть может, потому, что он заранее знал и обходил опасные перекрестки. Наконец он вышел на Парковую улицу, еще раз оглянулся, только тут заметил беспорядок в

одежде, кое-как заправил рубашку и заторопился к домику, утопавшему среди зелени, как и все прочие строения по обе стороны дороги. Он уже взялся за калитку, когда за спиной раздался тихий голос.

– Возвращаетесь с ранней прогулки, меесье Жарков?

Молодой человек, названный Жарковым, не показал признаков испуга, хоть и был застигнут врасплох. Напротив, лениво обернулся и смерил собеседника ироничным взглядом.

– Да и вы, как видно, ни свет ни заря поднялись, господин Усольцев.

Усолецев, взявшийся неизвестно откуда, ответил улыбкой, которую трудно было назвать приятной. Узкие губки скривились корявыми сучками, открыв в промежутке край сломанного зуба. Было в ней нечто крысиное. Не добавляла Усолецеву очарования и стрижка под короткий, как обувная щетка, ежик. Несмотря на погоду, одет он был в студенче-

ский китель, с которого спорили золотые пуговицы, криво пришив роговые. Воротник сорочки заносился до черной камочки, небритая щетина торчала ржавыми иглами. Он так старательно рисовался неумытым пролетарием, что за версту был виден маскарад.

Усольцев прислонился к заборчику, засунул руки в карманы штанов, заправленных в нечищенные сапоги, и сплюнул через щербинку.

– Как она, хороша штучка? Горячая?

Жарков принял не менее свободную позу: калитку распахнул, но гостя не пропустил, загородив проход.

– Не понимаю, о чем ты.

Усольцев хмыкнул.

– Темнит! Секретничает! Тайны и заговоры... Ух!

– Извини, я не могу сейчас... Мне на службу...

– На службу! Вот оно! Всю ночь с любимой романтика под звездами, а как утро – на скучную службу бежим. Вот они – цепи общества, оковы капитализма, кандалы эксплуатации. Нет их крепче... Ну, ничего, близок час освобождения...

– Избавь меня от этого бреда, – Жарков двинулся, чтобы закрыть за собой калитку. Его поймали за локоток.

– Да что же обиделся? Я же по-дружески. Любовь – отличное развлечение. Когда другие дела устроены. Наиважнейшие дела. Какие и вообразить себе нельзя. Разве не так?

Пальцы Усольцева худые, но держали клещами. Жарков вырвал руку.

– Чего ты хочешь от меня?

Стоять близко было нелегко, от Усольцева пованивало, запашок щипал нос. Усольцев это знал и наблюдал с интересом. Даже придвинулся совсем уж приятельски. Жарков вида не подал, вызывающе скрестил руки на груди и огляделся. Улица, пронизанная солнцем, сонно нежилась в зелени.

– Кого-то опасаясь? Чувствуешь опасность?

Жарков натужно улыбнулся.

– Чего мне опасаться?

– Вот и я думаю: есть повод или мне только показалось? – Усольцев смотрел не мигая. Брови его, жидкие и рыжие, сдвинулись стрелками, – Усольцев предварительно перед зеркалом отрепетировал этот «пронзительный» взгляд...

Жарков опустил глаза.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Вот и хорошо, что не понимаешь. А то я было подумал... Мыслишки, знаешь, брат, всякие в голову заползают. Хочется быть уверенным в тех, с кем связал свою судьбу. Мы ведь как один кулак должны теперь держаться, вот так... – он сунул под нос Жаркову сухошавый кулачок с куриную лапку. – Только в единстве наша сила. Только так мы добьемся нашей цели...

– Вася, я на службу опоздаю...

– Ну, прости, прости, ты же у нас государственный человек. Служишь кровавому режиму, деньги от него получаешь, чины. А тут я со своими мечтами. Зачем думать, что

народ страдает под тираном, нам бы на службу не опоздать. Местечко тепленькое. Жалованье. Карьера. И все такое прочее...

– Об этом поговорим в другой раз, хоть вечером, а сейчас...

– Как вам будет угодно, господин инженер Жарков. Не смею вас задерживать. Служение кровавому режиму не терпит суеты. Дисциплина и порядок. Только вот одно хотел у тебя спросить... Вы позволите?

Жарков покорно ожидал продолжения.

– Обещание свое не забыл? Слово твое крепко? Нерушимо? Как клятва?

Усольцев буравил Жаркова взглядом.

– Нет, не забыл, – ответил Жарков.

– Я могу быть в этом уверен?

– Сколько же можно...

– Просто ответь мне «да», как товарищ и друг...

– Да! Десять тысяч раз «да». Достаточно?

– Не кричи, Иван, что ты так. Еще, чего доброго, твоя домохозяйка услышит. Я же только спросил. Чего злишься...

Вот и хорошо... Вот и славно...

– Извини, мне пора.

– Само собой! Только еще мгновение украду у тебя.

– Что еще?

– А то, друг мой и товарищ. Начнем сегодня вечером. Ты готов?

– Сегодня? Почему так рано? – спросил Жарков.

– Не твоего ума дело. Я хочу знать: ты готов? Ответ требую немедленно.

– Но ведь...

– Никаких больше «но», Жарков, не осталось. Теперь только так вопрос ставим: или дело, или предательство. Как ты?

Тишину улицы нарушил бой часов. Уже девять. А то и четверть десятого. Совсем беда.

– Ладно, – Жарков двинулся было к дому, но ускользнуть не удалось. Усольцев держал цепко.

– Что у нас с тобой «ладно»?

– Устроим сегодня. Отпусти.

– Это твое верное слово?

– Да! Я обещаю! Этого достаточно?

Усольцев ослабил захват.

– Вот это товарищ! Вот это дело... Только, знаешь, чтобы слово твое держалось крепко... Я, конечно, целиком тебе доверяю, но мало ли что, вдруг какая ерунда случится. Так вот, чтобы воля твоя крепка была...

Усольцев вовремя замолчал, чтобы ожидание развязки было особенно мучительным. Жарков закусил губу, лишь бы не задать глупый вопрос. Наконец Усольцев не выдержал и улыбнулся.

– У меня память глубокая. Чего в ней только не найдется. Всякого найдется. Все помню и знаю. Если что... Ты меня

хорошо понял? Как искреннего друга понял?

Жарков двинул калиткой, аж заборчик затрясло. Усольцев помахал ему вслед.

– Никуда не денется, – проговорил он и отправился прочь по Парковой улице.

В глубине Петербургской улицы, широкой и пустынной, возвышался одиноким зубом особняк в три этажа с колоннами в классическом стиле. Каменный дом принадлежал предводителю местного, хоть и малочисленного, дворянства, а заодно голове нашей управы господину Кротких. Фёкл Антонович оправдывал фамилию. Счастливо дожив до сорока лет и нажив приятную полноту, а также супругу и двух сыновей, он был доволен жизнью и не жалел сил на службе обществу: устроил чиновничье присутствие в своем доме, выделив для этого первый этаж и парадный вход. Хотя злые языки утверждали, что все это по лени, чтоб не ходить на службу, но чего не придумают в маленьком городке, какие сплетни не сочинят.

На самом деле Фёкл Антонович так пекся о благе горожан, что не мог потратить лишнюю государственную копейку на себя, а все только на благоустройство. То есть на благоустройство он тратил все лишние копейки, что оставались после удовлетворения нужд самого предводителя. Одних приемов надо дать не менее трех в год. Еще подарки и поздравления начальству уездному, не говоря о начальстве

губернском. Понятно, что на тротуары или фонари оставалось не много. Фёкл Антонович кротко сносил эти неприятности, надеясь, что образуется как-нибудь. В свете грядущих великих событий вообще, и наступивших белых ночей в частности, освещение улиц могло и потерпеть. Ни одно дурное или тяжкое предчувствие не омрачало в это прекрасное утро кроткий ум Фёкла Антоновича.

Устроившись в своем саду, что разбит был позади особняка, предводитель рассматривал верхушки деревьев, вычерчивающие на небесной лазури причудливую линию. Рука его застыла с чашкой, а на приятном, хоть и полноватом лице сложилось задумчивое выражение, словно Фёкла поразила мысль о несовершенстве бытия. И так эта мысль была глубока, что на лысеющем темечке выступил пот. Ни ветерок, ни солнечный зайчик, прыгнувший от самовара, не вывели предводителя из задумчивости.

Напротив него, за чайным столиком, расположился становой пристав. Шашка была отстегнута и засунута в удобную дырку плетеного кресла, рядом лежала фуражка, ворот мундира демократично расстегнут, а сам пристав занимался третьей чашкой чая с сахаром, причем куски не разламывал щипчиками, как должен был вести себя воспитанный офицер, а кромсал зубами не хуже тесака.

Надо сказать, что ротмистр Недельский не был типичным представителем полицейской власти. Был он худ, бледен, под глазами не сходили густые синяки, как у недоучившегося

студента, голос высокий, почти бабий, а в характере имел излишнюю нервность, если не сказать щепотку придури. В городе более обширном, чем Сестрорецк, он наверняка прославился бы каким-нибудь лихим поступком. Но у нас разгуляться негде. Да и происшествий фактически не случилось.

Сергей Николаевич жаждал деятельности и только искал случая показать себя во всей красе. Скрытую энергию ощущал каждый, кому приходилось общаться с приставом. В городе его считали редким чудачком, хотя безобидным. При этом уважали, что взятки не брал и купцов не грабил. Начальник Недельского, полковник Колобнев, уездный пристав, старался держаться от своего подчиненного подальше, остерегаясь какой-нибудь остроумной выходки, отчего заезжал в Сестрорецк лишь изредка. Предводитель же испытывал при нем смущение, но спрятаться было негде. Приходилось кротко терпеть.

Недельскому надоело затянувшееся молчание, и он грохнул чашкой по столику:

– Опять не слушаете!

Предводитель посадил на светлые брюки кляксу чая и застенчиво улыбнулся.

– Что вы, Сергей Николаевич, весь внимание.

– Что я только что сказал?

– Вы говорили о возможности... вероятности... чего-то там такого, угрожающего.

– Вот! – указательный палец пристава, чуть дрожащий от

напряжения, уткнулся меж глаз предводителя, если бы смог дотянуться. – Попались! Что я говорил! Да, что я говорил? А я говорил, что у меня есть верные сведения: у нас завелись флибустьеры!

– Да какие у нас могут быть флибустьеры, – сказал Фёкл Антонович. – Побойтесь бога, друг мой. Дачная местность, мирные обыватели.

Пристав замахал салфеткой, словно подавал сигнал бедствия.

– Слово напутал, а вы уже сразу и вцепились! Да, не флибустьеры, а как их... Эти... Ну же, на языке вертится...

– Тараканы? – подсказал председатель.

– Какие тараканы! – закричал пристав. – Вечно вы ерунду невпопад суете! Да как же они... Вот дохлая неясность...

Предводитель, наученный горьким опытом, знал, что Недельский в возбуждении изъясняется так, что словари можно выбросить. Лучше не мешать, иначе, чего доброго, совсем разойдется.

– Ах, вот же! – пристав ткнул каблуком в кресло. Кресло повалилось, увлекая шашку с фуражкой на траву. – Карбонари... Нет... Ах да! Якобинцы!

– Кто, простите? – переспросил Фёкл Антонович, не веря своим ушам.

Недельский был горд собой.

– Негодяи якобинцы! Конечно же! Ниспровергатели устоев!

– Сергей Николаевич, так вы о революционерах говорите?

– Да, о них, – охотно согласился пристав и мгновенно успокоился.

– Не стоит об этом волноваться. Отдыхать у нас могут даже революционеры, если не нарушают общественный порядок. Пусть ими охранка или жандармы занимаются. На худой конец, у нас пограничная стража имеется. А у вас пусть голова не болит.

– Вот именно: граница с Финляндией в двух верстах, хочу напомнить. А что это значит?

– Что это значит?

– А это значит, что они хотят уйти. Совершить террористический акт и уйти. Понимаете, как коварно задумано?

Предводитель понял одно: с приставом надо что-то делать. И чем скорее, тем лучше. Как можно называть Герцогство Финляндское за границей? Да, по Граничному ручью стоят два отряда пограничной стражи: Редиягульский и Райяокский. Да, имеется сестрорецкая таможня. Но для чего это сделано? Только для спокойствия обывателей. Чтобы кто ни попадя не шатался в Финляндию. У них там, знаете... особое это... Но чтобы революционеры скрывались в Финляндии? Глупее не придумаешь. Совершенно бредовая идея.

– Террористический акт? У нас?

– Этого я не могу знать. Наверняка где-то проведут, а у нас убегут...

– Откуда же у вас такие сведения?

– Это информация строго секретная, – ответил пристав и отхлебнул остывший чай.

– Неужели осведомителей завели?

– Этого я вам не скажу. Но вспомните прошлогодний случай! – с угрозой сказал пристав.

Предводитель прекрасно помнил, что происходило в том году. Такое забыть невозможно. Сколько нервов потратил. Но лишний раз ворошить прошлое ни к чему.

– Что ж тут такого. Преступник найден и наказан. Вашими усилиями найден.

– Да, моими! Но все не так просто, как вам кажется! В городе нашем плетется тайный заговор, имеется секта, то есть организация, ячейка, имеющая своей целью... Своей целью...

– Сергей Николаевич!

Пристав дернул головой, как от укуса пчелы, и затих.

– Прошу вас об одном, мой любезный друг, – сказал предводитель. – Направьте ваши драгоценные усилия на то, чтобы по вечерам на улицах не было пьяных, или хотя бы они не валялись по канавам. Неприлично, пристав, честное слово.

– Слушаюсь! – ответил Недельский. – И все-таки не стоит забывать...

– Сергей Николаевич, вам не пора в участок?

Пристав немедленно встал, нацепил шашку, поднял закатившуюся фуражку, отдал честь и направился вон из сада. А Фёкл Антонович облегченно вздохнул и, наверно, поду-

мал, что за все надо в жизни платить: раз ему достался райский уголок, значит, за это надо терпеть мелкие неприятности. Пристав – не самая плохая из них. Лишь бы никогда больше не случилось то, что...

Но об этом предводитель и вспоминать не хотел.

В городке нашем архитектура ничем не примечательная, выше двух-трех этажей не строят. Да и куда стремиться, когда кругом такие сосны. Но одно строение возвышается над общим ординаром. Если бы не деревья, дом этот был бы виден издалека. А так – только кончик башенки меж ветвей. Башенкой этой дом и знаменит.

Особняк построен из бревен, но такой тонкой и деликатной работы, что кажется, флорентийские мастера постарались. Ан нет: наши, и все больше топором и долотом мастерили. Башня подпирает дом с левого угла, да так, что образует в каждой комнате по эркеру. Когда жилые помещения заканчиваются, башенка подпрыгивает над покатой крышей и устремляется к небесам, чтобы с высоты островерхого шпиля взирать на всю Лиственную улицу. Наши обязательно показывают башенку заезжим родственникам. Зрелище того стоит. Вроде бы не столица, а такое соорудили.

Надо сказать, что не имел бы городок наш такого счастья, если бы не Игнатий Парамонович Порхов, – ему принадлежит знаменитый дом.

На одном берегу Водоотводного канала стоит лесная бир-

жа Смолкина, а на другом берегу – лесная биржа Гутермана, но лесом они торговали порховским. Хозяин башни владел если не всей, то уж большей частью лесного дела Сестрорецка. Игнатий Парамонович предпочитал вести дела без огласки, потому размер его состояния никто толком не знал. Зато все знали, что Порхов разгульную жизнь не любит, предпочитая жить в своем особняке, копить капиталы и баловаться благотворительностью. То на ремонт часовни даст, то на обновление детского приюта, то на школу. В общем, скучный человек. Ни попок с цыганами, ни любовниц в брильянтах, ни пачек денег, сожженных на рулетке. Тихоня с законной женой. Даже ей не позволял щеголять летом в мехах. А ведь когда показать провинциальной даме свой гардероб? Когда наезжает столичная публика. Зимой-то кому мехами хвастаться? Одни снеговики да городовые, занесенные снегом.

И все-таки одна слабость у Игнатия Парамоновича Порхова была. Слабость звали Анастасия Игнатьевна, было ей целых семнадцать лет, и крови у отца она выпила немало. Господин Порхов умел согнуть любого под свою волю. Вот только воля эта размякала, когда дело касалось единственной дочери и наследницы, к тому же невозможной красавицы. Получив от родителей добрую порцию крестьянской крови, взрастая на чистом воздухе среди сосен и провинциальных жителей, Настя умудрилась вырасти в тонкую, изящную и томную барышню, парижскую статуэтку, от которой

глаз не отвести, бледную, с косо́й лилово-черных волос до пояса. Но характер в этом хрупком тельце был отцовской закалки... В общем – беда.

Дело шло к обеду. Настя рыдала в своей спальне и не желала вставать ни за что. Ни уговоры матери, ни жалобные попытки отца ни к чему не привели. Истерика крепчала. Наконец послали за доктором. Земский врач Асмус приехал быстро, осмотрел и попросил оставить его с больной наедине.

Настя лежала в глубокой яме из подушек, лицо ее опухло и пошло розовыми пятнами, она дышала частыми и редкими толчками, всхлипывая и постанывая со свистом. Асмус сделал все, что мог: померил пульс, потрогал лоб, посмотрел зрачки. Наконец взял тонкую девичью кисть в свою натруженную, докторскую.

– Ну, Анастасия Игнатьевна, что мне с вами делать?

Доктор говорил тихо, но твердо, не сюсюкая и не заигрывая с больной. Даже строже, чем необходимо в такой ситуации. Настя подняла на него покрасневшие глаза.

– Ах... Антон Львович... Голубчик... Вы... Только... Только вы...

Осталось неизвестным, что же такое исключительное ожидают от земского врача. Асмус погладил ее, как маленькую, по головке.

– Ну, все... Будет, будет. Выплакались уже. Берегите слезы. И особенно нервы. Вам теперь силы копить надо. Мне не вас спасать, а папашей вашим уже надо заниматься. Да и

матушка чуть жива. Что устроили? Не стыдно? Ай-ай-ай...

Простые были слова, но сказаны особо теплым и успокоительным тоном. Сам вид доктора – спокойного, уравновешенного, шагнувшего к сорокалетнему порогу, его мягкий уверенный голос – все это действовало лучше лекарства. Как и должно быть у настоящего врача. Собой, своей энергией лечит врач. Не микстурами же, в самом деле!

Случилось чудо. Настя перестала всхлипывать и заметно успокоилась.

– Они так жестоки со мной...

– Кто? Папаша ваш? Не смешите меня...

– Они так страшно мучают и терзают мое сердце...

– Сейчас же приведу десяток девиц, которые будут счастливы иметь мучения, подобные вашим...

– Вот и вы смеетесь надо мной, милый Антон Львович...

– И не думал. Беды моих пациентов – это мои беды. Если это действительно беда. Вам радоваться надо. Что опять приключилось?

– Папа... О, какой он жестокий и бессердечный...

Асмус не стал ее разубеждать.

– Я врач, а значит, мне можно рассказать все тайны, – сказал он. – Даже лучше, чем священнику, каяться не надо. Во мне они и умрут. Давайте-ка сядем повыше... – он приподнял больную, взбил подушки и устроил ее в сидячем положении, – вот так будет лучше. А теперь давайте поговорим. Только прежде выпейте вот это... – он держал на кончиках

пальцев крохотный стаканчик с мутно-желтой жидкостью.

Настя не поняла, откуда взялась склянка, послушно выпила и даже не скривилась.

– А теперь устраивайтесь поудобнее и рассказывайте все, что у вас на сердце... – он подоткнул одеяло.

Барышня потупилась:

– Это очень страшная история...

– Ничего, постараюсь не испугаться.

– Хорошо... Они все, и папа, и мама, и Матвей, – они не понимают, что наконец это случилось, что ко мне пришла долгожданная любовь, какой никогда ни у кого не было на всем белом свете. Я так счастлива, а он... а они...

Асмус слушал и вовремя поддакивал. Настя рассказывала подробно. Сначала говорила осмысленно, но вскоре речь ее замедлилась, она стала запинаться, пока вместо слов не остались междометия. Наплаканные глазки закрылись. Доктор бережно прикрыл ее одеялом и тихонько вышел.

Он написал рецепты, оставил распоряжения и получил нескромный гонорар в новом конверте. Прежде чем поклониться Порхову и его жене, Асмус сделал незаметный знак

секретарю Ингамову. Выйдя на Лиственную улицу, доктор удалился от дома на приемлемое расстояние и выбрал место среди кустарников.

Ингамов не заставил себя ждать. Подойдя твердым, армейским шагом, встал перед доктором навтыжку, весь крепкий и решительный, как револьвер на предохранителе.

– Что я могу сделать?

Вопрос был сразу и по существу. Как видно, приглашение доктора его не удивило. Асмус позволил себе прежде окинуть взглядом невысокую, ладно сбитую фигуру бывшего мичмана, отметить гладко зачесанные волосы, гладко выбритое лицо, идеально строгий костюм, хрустяще-белый воротничок вокруг толстой шеи. Секретарь вызывал чувство надежности, как отполированный щит.

– Я знаю ваше отношение к этой семье, Матвей, – наконец сказал он. – И знаю ваше рыцарское благородство...

– Благодарю, ближе к делу. Скоро я понадобится господину Порхову. Он не любит ждать.

– Думаю, сейчас вы нужнее Анастасии.

Что-то смутное и еле уловимое пробилось сквозь непроницаемое спокойствие. Секретарь сдержанно кашлянул.

– Что вы имеете в виду?

– Она в таком душевном состоянии, что может наделать глупостей...

– Этого не допущу.

– Вы, разумеется, не допустите. Но Настя достаточно хит-

ра и умна. Она может быть скрытной, несмотря на истеричность. Ее считают ребенком, неспособным на поступок. Это большая ошибка.

– Выражайтесь яснее.

– Как вам угодно, – сказал Асмус. – Она может стащить нож, спрятать его в одежде. Дальше нужны пояснения?

– Я не могу быть рядом двадцать четыре часа в сутки. Тем более в спальне...

– Не об этом речь, – Асмус переложил саквояж в другую руку. – С собой она ничего не сделает. Но вот ударить несколько раз ножом... сами знаете кого, вот это получится запросто. Причем это может произойти внезапно – только что она была весела и оживленна, а в следующий миг...

– Почему вы так уверены?

– Истерия, помноженная на юношескую страсть. Она не понимает, что делает. В суде ее, скорее всего, оправдают как невменяемую. Надо ли это вашему патрону? Как он переживет?

Трудно было понять по лицу Ингамова, он осмысливает сказанное или ждет продолжения.

– Что я могу сделать? – повторил он.

– Постарайтесь не выпускать Анастасию из поля зрения, сколько будет возможно. С вашим хозяином я готов обсудить этот сложный вопрос лично.

– Это лишнее.

– Как скажете. Позвольте дать совет лично вам? Я пред-

полагаю, что вы захотите покончить с проблемой одним махом, так сказать, разрубив гордиев узел одним ударом кортика. Исключительно прошу побороть это желание, а лучше – не подпускать его вовсе.

– Благодарю вас, доктор. Только позвольте мне решать самому.

– За руку вас удерживать не могу.

– Еще раз благодарю за совет.

– Поступайте как знаете.

– Именно так: как знаю. Честь имею...

Круто развернувшись на каблуках, Ингамов пошел к особняку, прямой, как корабельная мачта. Асмус только головой покачал. В конце концов, дело земского врача – лечить вывихи, простуды и нервы, а не предотвращать убийства. Для этого пристав имеется.

Вечерело. В прочих краях империи это словечко подошло бы как нельзя кстати. Однако в наших широтах в десятом часу вечера было светло, как днем. Ветер спал, гибкие волны чуть трогали почти гладкую поверхность залива. Северная нега нежным тюлем накрыла прибрежную линию. Нет лучше времени для созерцательных размышлений, когда при взгляде на окружающий покой щемящее, невыразимое словами чувство наполняет и сердце, и мысли и возникает предчувствие чего-то хорошего или даже прекрасного, что непременно случится с тобой.

Именно в такой излишне романтический час, далеко от гавани, вместе довольно глухом и редко посещаемом горожанами, случилось ничем не примечательное событие. Из зарослей на прибрежный песок вышел молодой господин в прекрасной летней тройке, щегольском галстуке с брильянтовой заколкой и канотье отличной французской соломки. Тросточкой, такой же изящной, как он сам, сбил случайную пылинку, посмевшую упасть на лаковые штиблеты, и осмотрелся.

Окружающая романтика оставила его равнодушным. Он вынул карманные часы, взглянул, громко щелкнул крышкой, сунул в прорезь жилетки, достал смятый листок, пробежал его, то и дело оглядываясь, и, наконец, решил, что попал не туда. Пробормотав недовольно, он направился прочь. Навстречу ему выкатилась двуколка. Горячую лошадку осадил вожжи, которыми правила ручка в ажурной перчатке. Дама отбросила кнут, сняла с лица газовый шарф, и господин поспешно подошел, чтобы помочь ей сойти. Дама легко выпрыгнула из двуколки, словно без всякой помощи могла выйти сама, однако ей хотелось, чтобы ее ручка оказалась в ладони господина.

Ступив на песок, она без стеснений потянулась, словно ехала от самого Петербурга.

– Вижу, вы удивлены, господин Танин.

Господин в соломенном канотье замялся.

– Право, не знаю... Мне, безусловно, лестно, и я даже

некоторым образом польщен, что вы, Катерина Ивановна... что мне... что я...

– Молчите-молчите, я сама, – перебила барышня. – Вы хотели бы, да не можете сказать, что наши случайные и скоротечные встречи не давали никакого повода для этого свидания. Более того, вы несколько удивлены, если не сказать шокированы, что барышня сама назначила вам встречу в уединенном месте. Не так ли?

– Катерина Ивановна, я счастлив, что...

– Я не закончила. Так вот, господин Танин, должна признаться, что и я не ожидала от себя такого поступка. Прежде чем мы коснемся того, ради чего оказались здесь, прошу вас высказаться откровенно. Ответьте на мой вопрос прямо и честно, будто задает его не барышня, а ваш добрый приятель. Сможете?

– Я постараюсь... А что за вопрос?

– Вопрос простой и понятный, с которого все и начинается. Помните: совсем не я вас спрашиваю... Нет, так не пойдет. Вижу, вы не готовы... Хорошо, тогда начну с другого конца. Как вам, наверное, уже известно, отношениям между мужчиной и женщиной полагается развиваться не спеша, все ближе и ближе приближаясь к цели, которая и так заранее известна обоим. Это требует усилий, расходов и, самое главное, – времени. Хотя можно все организовать проще, если на то есть обоюдное желание. Тут ведь самое главное – выяснить, есть ли обоюдное желание. Остальное – мелочи. А

если времени совершенно нет, выяснить это надо как можно скорее. Как думаете?

Молодому господину хватило сил пробормотать «разумеется». Он был изрядно обескуражен и от растерянности воткнул хрупкую тросточку в песок. Катерина Ивановна не сводила с него глаз.

– Очень хорошо, – сказала она. – Вы меня поняли. Теперь я совершенно уверена, что вы сильный и разумный мужчина. Такой не испугается маленького и простого вопроса: я вам нравлюсь?

Танин не сразу понял, что вопрос прозвучал и теперь его черед что-то говорить. А когда понял, не смог подобрать подходящего слова.

Эта резвая и бесцеремонная барышня не могла не нравиться. Каждый местный и любой приезжий знал: есть только одна королева. Имя ей – Катерина Ивановна. Нельзя сказать, что она была небесной красоты. Что-то в ней было от римской статуи: идеально прямой нос, низкий широкий лоб, высокие скулы. Глаза не так уж прекрасны, даже несколько маловаты. Волосы, в общем, обычные, светлые. Фигура чуток тяжеловесна, особенно в бедрах. И возраст приближался совсем уж к бальзаковскому¹. Но в сочетании это все рождало неотразимую личность. Она обладала необъяснимой притягательностью, холодной, сдержанной и оттого, быть может, куда более желанной. Улыбка лишь изредка трогала ее блед-

¹ Двадцать шесть лет для барышни.

ные губы. Но когда она улыбалась, казалось, что всходило солнце. Северное, холодное, от которого тепла не дождешься, но все же светило. Как тут ответишь на простой вопросик?

Вырвав из песка тросточку и махнув ей наподобие шашки, Танин понял, что молчать дальше нельзя. Но и выдавить хоть что-то в ответ он не мог, язык не поддавался. А вот Катерина Ивановна словно не догадывалась, что творится у него в душе, без всяких церемоний смотрела на него пристально, не мигая.

– У вас затруднения? – спросила она.

– Нет... нет...

– Это ваш ответ, господин Танин?

– Что? Ах, нет... же... то есть... Я, знаете ли...

– Простите, я ничего не поняла. Или вам повторить вопрос?

Хрупкая тросточка рыла песок, как конь копытом.

– Нет, нет, не надо, зачем же...

– Так что же? Каков ваш ответ?

– Катерина Ивановна, зачем вам это?

– Потому что без вашего ответа все остальное не имеет смысла. Или точка, или запятая. Так в жизни случается, на перепутье нужно решить, в какую сторону идти. Но если для вас это так трудно, что же, давайте закончим и забудем... – она повернулась к двуколке.

– Нет, нет, постойте! Подождите... Все это так неожидан-

но... Нельзя ли...

– Так сложилось, что ответ ваш мне нужен или сейчас, или никогда. Решайтесь.

Лошадь, оставленная без присмотра, потянулась к сочной веточке. Двухолка шевельнулась, колеса тронулись. Танин подхватил вожжи и грозно сказал «тпру!». Геройский поступок не произвел на Катерину Ивановну впечатления. Она и бровью не повела. Танина же прошиб пот, хотя было вовсе не жарко, и кажется, лицо пошло красными пятнами. Мучиться дольше невозможно. В конце концов, он ничего не теряет...

– Да, вы мне нравитесь, Катерина Ивановна.

– Благодарю вас, – ответила она. – В таком случае могу изложить вам причину нашей встречи. В городке нашем вы человек уважаемый, но, как понимаете, о вас все известно. Такие болтуны. Мне известно, что у вас некоторые трудности, какие я могу помочь вам решить.

– Вы? Помочь? Мне?

– Не надо так откровенно выказывать удивление. Да, при определенном условии я смогу вам помочь.

– При каком условии? – спросил Танин.

– Само условие вас совершенно не касается. Но вы можете рассчитывать на приданое, которое за мной получите, и немедленно пустите его в дело целиком и без остатка.

Предложение было столь дерзким и неожиданным, что Танин развеселился.

– Приданое? Откуда у вас приданое? Я ведь тоже разго-

воры всякие слышу.

– Разве я похожа на обманщицу?

Танин вынужден был согласиться, что нет, и пробормотал извинения.

– Я вас прощаю в этот раз, – сказала Катерина Ивановна. –

Но впредь думайте, прежде чем сказать.

– Но я ведь только...

– Повторю: при определенных условиях у меня может быть приданое, которым вы сможете воспользоваться. Но мне надо знать наверняка, что вам понадобится *мое* приданое. Двадцать тысяч для вашего проекта будет достаточно?

– Что же это, вы мне руку и сердце предлагаете?

Катерина Ивановна не ответила, предоставляя Танину самому найти выход.

– Вы требуете ответ прямо сейчас? – спросил он.

– Я ничего не могу требовать, господин Танин. Вы независимый, свободный человек. Сами выбираете решение.

– Прямо сейчас?

Она чуть заметно улыбнулась.

– Не стану подвергать вас таким мучениям. Скажем, сутки на размышление хватит? Очень хорошо. Договорились... Не смею вас более задерживать...

Катерина Ивановна вскочила в коляску. Двухолка тронулась легко, словно лошадь понимала хозяйку без слов.

Оставшись в одиночестве, Танин засунул руки в карманы, в глубоком раздумье разметал песок носком ботинка и по-

брел по морской полосе к городу.

Уединенное место имеет странное свойство: никогда не знаешь, насколько оно уединенное. И что на самом деле скрывается за кустом – ветер или чья-то тень.

Как только место свидания опустело, из леска выбралась полноватая фигура. Она направилась к тросточке, воткнутой в песчаный бугорок, словно памятник погибшему воину. Изящная штучка была вырвана с фонтаном песка и разломана об колено. Сильным броском обломки полетели в залив, шлепнулись и скрылись в черной воде.

К десяти вечера кафе-ресторан Фомана был полон. Двери большого зала, впуская свежий воздух, были распахнуты на террасу, на которой не осталось свободных столиков. В заведении была приличная, для уездного городка, кухня, недурно сваренный кофе и миленькие пирожные. Конкуренентов у Фомана фактически не было. «Французская кондитерская», буфет на станции, кофейня в парке – вот и все заведения, где уставший обыватель мог утолить голод, приятно проведя время.

Размер помещения не оставлял места на сцену, однако пианист, играющий на рояле вместо трактирного оркестрика², делал владельцу честь. В высокий сезон Фоман разорялся на певицу, которая под аккомпанемент рояля исполняла ро-

² Механический музыкальный органчик, ставился в трактирах для увеселения публики.

мансы. Гости терпеливо слушали и покорно аплодировали, чтобы не обидеть даму. Знаток, конечно, раскритиковал бы такое исполнение, но наша публика непритязательна, а дачникам все равно. Без преувеличения можно сказать: здесь встретишь весь город. Так что в сезон, начиная с мая, Фоман без зазрения совести взвинчивал цены. Но и это ему прощали.

Столик, удачно расположенный в дальнем углу террасы, был уставлен холодными закусками. Присутствовал на столе и графинчик. Господин Жарков, угощавший приятеля, энергично жевал котлетку.

– Знаешь, друг мой Стася, – говорил он, не забывая дирижировать вилкой, – жизнь моя теперь только начинается. Все старое – вон. Забыто и зачеркнуто. Впереди такие перспективы... Хватит мне гнить в этой дыре. Что они могут мне предложить? Какой-то жалкий заводешко. Нет, брат, у меня теперь размах! Такая пойдет теперь история – только держись. Фамилия Жарков прогремит еще на всю Россию. Скоро гордиться будешь, что ты друг мой. У меня теперь планы великие, такой шанс раз в жизни выпадает, и его надо ухватить вот так...

Жарков помахал кулаком перед носом приятеля. Стася только ухмыльнулся. Он привык не возражать, много слушать и мало пить. С Жарковым они были ровесниками, но Стася имел счастливую возможность нигде не служить. Приглашение на ужин случилось внезапно. Жарков забе-

жал к нему и потребовал непременно сегодня отпраздновать, но что именно – сказать отказался. Дескать, секрет. Никого приглашать не надо. Только вдвоем с самым сердечным дружкой.

После третьей рюмки Жарков совсем разошелся и говорил без умолку. Стася все пытался понять: что же такое происходит. Вроде бы приятель его не изменился – разудалый весельчак, победитель женских сердец. Но тонкий нюх, а у Стаси был очень тонкий нюх на человеческие слабости, говорил ему, что не так все просто. Вот вроде пьет человек, гуляет от души, а в глазах у него страх. И чего бы Жаркову бояться? Нет никакого повода, в этом Стася был уверен, как никто. Радоваться дружок должен, приглашают в Петербург на Путиловский завод. Такая удача для рядового инженера. А он вроде как водкой тоску заглушает. Не похоже это на Ивана, совсем не похоже.

Стася жевал салатный листик, следя за весельчаком. Что-то тут не то...

– Я уже давно понял, что счастье человека в его руках, – продолжал Жарков. – И ни в чьих больше. Судьба, предопределенность – все это ерунда. Надо, понимаешь, не упустить свой случай. Схватить и держаться. И не поддаваться всяким глупым мыслям. Ты – человек, тебе все подвластно. Вот и действуй, как тебе хочется. А на остальное – наплюй. Всё ерунда, кроме счастья. Ни вины, ни раскаяния. Отмети эти выдумки, как мусор, и хватай счастливый случай за ворот.

Вот так-то, Стася...

Жарков опрокинул рюмку и сразу налил другую. Он не требовал, чтобы приятель пил с ним. Стася заметил, что Жарков нет-нет да и поглядывает в сторону. Наверняка какая-нибудь барышня смазливая. Раскурив папиросу, Стася неторопливо повернулся, чтобы выпустить дым, и взглянул на то, что так занимало приятеля. Вместо хорошенького личика он увидел вытянутое, словно окаменевшее лицо. Господин сидел за столиком в одиночестве, и его внимание было приковано к персоне Жаркова. Он откровенно следил за ним, словно дразня и вызывая на конфликт.

Стася не был знаком с этим господином, но знал, что это личный секретарь Порхова. В городе у него слава цепного пса, который за хозяина перегрызет глотку любому. Поговаривали, что из флота ему пришлось уйти, чтобы замять скандал: забил насмерть матроса, посмеявшегося ему не подчиниться. Встретиться с Ингамовым на узкой тропинке жизни Стася себе бы не пожелал. Краем глаза он заметил на террасе много знакомых лиц, в случае чего на их помощь можно рассчитывать. И даже самого предводителя, который ужинал в компании чиновников. Присутствие первого лица местной власти Стасю успокоило. Бросив через перила ненужную папиросу, он присмотрелся к приятелю. Точно – боится. Глаза бегают, лицо бледное, хотя графинчик уже уговорил.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – спросил Стася.
Жарков набил рот жареным картофелем и принялся

яростно работать челюстями.

– Что у тебя приключилось? Не секретничай, я же вижу, что...

– Что ты видишь? Не выдумывай, чего нет и в помине. Я счастлив. Молод. Скоро получу все, о чем можно мечтать. Давай лучше выпьем.

Он не стал ждать приятеля.

– Ну, как хочешь, – сказал Стася. – Все ж не чужие люди, как-то даже имеем общие темы для занимательных бесед. Скрытничай, сколько влезет.

Друг сердечный отшвырнул вилку.

– Да о чем ты!

– О том, что если какая история случилась, так ведь я готов помочь...

– Ты? Помочь? Мне?..

Это было сказано таким оскорбительным тоном, словно к Стасе нельзя обратиться даже от полной безысходности. Будто он крыса какая...

– Поступай как знаешь. А я, пожалуй, пойду. Спасибо за угощение, сыт по горло.

– Да ты, никак, обиделся? – закричал Жарков. – Сядь, сядь, кому говорят!

Стася откинулся на спинку стула и заложил ногу на ногу.

– Изволь. Я остаюсь. Чтобы не делать скандала.

Жарков как-то вдруг затих и уставился в тарелку.

– Попал я, Стася, в переплет... Да и тебе не миновать...

– Это еще что?

– Сам подумай, ты же у нас отличаешься сообразительностью.

– Усольцев пристал?

– Видишь, какой ты проницательный...

– Это ерунда. Наплюй. Не было ничего, одна болтовня. Ни документов, ни записок. На испуг берет.

– Если бы так, Стася...

Жарков поманил его к себе. Стася нагнулся и услышал новость, которая его совсем не обрадовала. Он хотел было опрокинуть рюмку водки, но сдержался. Вечер перестал быть приятным. Тут надо мозгами шевелить.

– Ты уверен?

– Пытать его, что ли...

– Может, и блефует. Он умеет. Не хуже шулера.

– Может, и так. А скорее всего, с его-то умением, где-то пронюхал... Ладно, забудь. Если бы только это...

– Что еще? – спросил Стася, про себя обдумывая ситуацию: друг уедет, а ему оставаться одному. Ему деваться совсем некуда.

– А все прочее тебя не касается, друг мой бесценный... Это уже совсем мое дело... Эх, пропади все пропадом...

Стася не успел шевельнуться, как Жарков вскочил и толкнул в спину молодого человека, мирно жевавшего за ближним столиком. Пирожное, готовое попасть ему в рот, воткнулось кремовым хвостиком прямоком в глаз, мазнуло по ще-

ке и уронило белый ошметок на лацкан пиджака.

– Как смеешь так со мной разговаривать! – заорал на молодого человека Жарков.

Тот, стряхнув с лица остатки пирожного, поднялся во весь рост и все равно оказался чуть ниже обидчика. Совсем юный, моложе Жаркова, тем не менее вид он имел до чрезвычайности серьезный и строгий.

Публика застыла в ожидании развязки. Даже официанты не двинулись на подмогу.

– Требую, чтобы вы извинились, – сказал юноша среди наступившей тишины.

– Ах ты, щенок!

Жарков, взвинченный до бешенства, кинулся на него с кулаками. Он целился сверху вниз, в самое темечко противника, но попал по спинке стула. Юноша ловко увернулся. Жарков взвыл, хватаясь за ушибленную кисть.

– Советую образумиться, – сказал его соперник. – Иначе у вас будут крупные неприятности.

Образумиться Жарков не хотел, он схватил салатницу и метким броском отправил в лицо врага. Майонез растекся белой маской под грохот посуды.

– Что, сопляк, получил? Сейчас добавлю!

Жарков угрожал, но с места не двигался. Его враг повел себя чрезвычайно странно. Тщательно вытер лицо салфеткой и бросил ее под ноги.

– Вы об этом сильно пожалеете, – громко и отчетливо про-

изнес он.

И пошел к выходу мимо притихших столиков.

Жарков взревел. Ощувив вкус расправы, он хотел броситься в погоню, но тут всеобщее оцепенение прошло. На руках повис Стася, подоспели официанты, мужчины с ближних столиков встали стеной, и даже предводитель вскочил, сорвал салфетку и потребовал немедленно водворить порядок, иначе пошлет за приставом.

Постепенно суматоха улеглась. Жарков успокоился, Стася вывел его из ресторана. О юноше быстро забыли. Стоило ли переживать о всяких дачниках?

В нашем Сестрорецке дубовая роща на мысу, что далеко выдается в залив, – любимое обывателями место для романтических прогулок. Но это днем. А ночью, даже белой, дубрава обращается в темный лес, в чем-то даже сказочный. То есть гулять в нем на всякий случай не рекомендуется. Фонарей нет, городских нет, неприятности могут подстеречь за каждым кустом. Есть, конечно, любители послушать, как шумят вековые деревья в час ночи, но это скорее от обилия принятых напитков, чем от смелости.

Несмотря на поздний час (полночь давненько миновала), в дубраве слышался шорох, какой бывает, когда колеса осторожно заминают ветки, и цокот копыт. Лошадь шла шагом. В просвете деревьев показался силуэт двуколки с пассажиром. Опустив поводья, седок предоставил лошади самой

пробираться сквозь лесок, зная, что животному не захочется застрять где-нибудь в овражке. И действительно, лошаденка медленно, но верно вывозила к свету, который шел от белого неба, отраженного в морской воде. Наконец послышался плеск ленивого прибоя. Вожжи указали лошадке, что пора остановиться, чему она покорилась, принявшись за траву, освеженную поздней росой.

С подножки спрыгнула дама. Что ей делать одной, в таком месте и в такое время, трудно представить. Вместо того, чтобы умирать от страха, она вела себя уверенно. Выбрала дерево, стоящее на краю песчаного бугорка, и прикрепила на кору бумажный лист, хорошо заметный в белесой тьме. На светлом фоне была вычерчена неровная, продолговатая фигура, отдаленно напоминающая круг.

Примерившись, дама сняла лист, державшийся за шляпную булавку, и перевесила заново так, чтобы он висел чуть ниже, на уровне глаз. Отошла на два шага, осталась довольна. Обернувшись по сторонам, хотя разглядеть ничего было невозможно, она вынула из-под шали револьвер и попыталась, прицелившись, нажать на курок. Но ничего не произошло. И вторая попытка закончилась неудачей. Вещица для дамских пальчиков была не предназначена. Но характер взял свое. Сбросив шаль, она напряглась и нажала изо всех сил. Вещица подпрыгнула, раздался глухой звук, который улетел в море, как будто ничего не было.

На мишени не нашлось даже царапины. Ощупав кору вы-

ше и ниже, дама недовольно фыркнула. Там тоже ничего.

Снова заняв позицию, она выровняла дыхание, руки подняла медленно и постаралась жать плавно. Сил хватило ровно на то, чтобы вдавить курок. Револьвер охнул и отправил пулю в небеса. Не тратя времени на проверку, дама сделала подряд четыре выстрела. На последнем руки ходили ходуном так, что целиться было невозможно.

Результат усилий оказался плачевным: на листе остался крохотный надрыв, да и то вдалеке от рисованного круга. Аккуратно сняв листок и сложив его пополам, отчаянная барышня спрятала его в сумочку, туда же швырнула и револьвер.

– Нет, так не пойдет, – сказала она, усевшись в коляску. – Прямым не получится, тут надо хитрее... Но! Трогай, милая...

Лошадь обернулась на звук голоса, вожжи указали ей, что пора в обратный путь. Она развернулась и повезла хозяйку одной ей понятной дорогой.

Как только двуколка скрылась в древесном мраке, из кустов вышел некто, в неверном свете белой ночи похожий на привидение.

– М-да... Богиня-воительница... Эх, елки зеленые... – буркнуло привидение себе под нос.

2

Зоркий глаз

Не стало покоя городовым. Господин пристав потребовал общее построение. Прохаживаясь на заднем дворе участка, вдоль строя, и потрясая куриным кулачком, он произнес целую речь, ббольшую часть которой городовые не поняли. Но и профессор словесности не смог бы разобраться в оборотах, какие припустил Недельский. Он требовал «исключительно-го мировоззрения» и «проникновенной материальности» в действиях своих подчиненных. Он провозглашал «неминуемую битву разума с равнодушием» и призывал «исполниться очей». И так далее в таком же роде.

А все потому, что над их городком, по его мнению, нависла какая-то неминуемая угроза, о которой, как решили городовые, пристав понятия не имеет, но заранее пугает себя и других. Что это за опасность, откуда ее ждать и почему она угрожает обреченным жителям, было категорически не ясно. Задать вопрос никто не посмел. Себе дороже. Отвечая, пристав бы окончательно разошелся, и страдать без ужина пришлось бы до полуночи. Как только он спросил строй: «Имеется ли насущные вопросы?» – строй в одну глотку рявкнул: «Никак нет!» Чем крайне порадовал своего командира. Пристав немного пришел в себя, но городовые все равно сообразили, что тихая летняя жизнь у них кончилась. Будут гонять,

как кур на пожаре, а толку от этой суеты – никакого.

Предчувствия служивых не обманули. Не успели они сбиться кучками, чтобы по-свойски обсудить, что это было, как Недельский снова влетел на плац, как он гордо называл вытоптанную землю между дровнями и нужником, и потребовал «немедленно смирно». Невольники долга встали плечом к плечу. Без дальнейших церемоний пристав объявил, что вводит усиленное патрулирование, каковое начнется прямо сейчас. Весь личный состав, «не смыкая очей», должен бороздить просторы улиц и прибрежной полосы, выискивая вероятных преступников или даже злодеев. При малейшем подозрении хватать и тащить в участок, а здесь пристав самолично разберется. Старший городской Макаров окинул взглядом своих ребят, на лицах которых можно было прочесть вовсе не служебное рвение, лениво козырнул и сказал «Слушаюсь!».

– Немедленно! Немедленно! – закричал пристав, потрясая пальчиком. – Лично проверю! Орлы мои вездесущие!

Как только он убрался, Макаров собрал мужиков в кружок и стал инструктировать. Городовые хмуро помалкивали, изредка роняя крепкое словцо. Хочешь не хочешь, а делать нечего – приказ. Начальник слегка не в себе, но от этого не легче. В общем, разбились на суточные дежурства по парам.

Григорьеву досталось заступать с шести утра. Город спал безмятежным сном, а городской должен был исполнять нелепую прихоть пристава. Белая ночь растаяла в теплом золоте

утра, чистое небо насыщалось голубизной, во всем было радостное ожидание прекрасного дня. И только Григорьев мучился утренним ознобом. В летнем холщовом мундире он продрог, голодное брюхо, в которое залил стакан холодного чая, урчало и тянуло, а на душе было гадко и скользко. Где уж тут наслаждаться романтикой пейзажа.

Пройдясь по Приморскому проспекту, спящему и тихому, Григорьев свернул на городской общедоступный пляж. Здесь царили покой и пустота. Полотняные палатки, в каких принимают солнечные и воздушные ванны, дожидались восхода. Кабинки-домики, на каких вывозят в залив дачников для принятия морских купаний, сбились в табунчик и мирно дремали. Пляж, насколько хватало глаз, был чист и спокоен. В отдалении кружили чайки – с визгливым воплем падали вниз, зависали, лихорадочно колотя крыльями, хватали что-то клювом. Эта суматоха и гам портили степенный покой. Обычно чайки так вели себя, когда добрый дачник бросал ломти хлеба. Они привыкли кормиться из заботливых рук, растолстели, качаясь на волнах, и ждали бесплатной кормежки. Но сейчас для любителей птиц было слишком рано. Да и нет никого.

Григорьев присмотрелся. Глаз у него был ястребиный. Чем и гордился. Он заметил, что чайки кружат над полотняным шезлонгом, над спинкой которого виднеется чья-то голова. Все-таки кто-то ни свет ни заря потащился на море. Скорее из любопытства, чем выполняя служебный долг, го-

городовой решил узнать, кто же такой любитель ранних воздушных ванн.

Идти в сапогах по песку было не споро, каблуки то и дело проваливались в мягкие ямки. Григорьев никуда не спешил. Чем ближе подходил он, тем яростней и громче неся птичий гвалт. Ни дать ни взять – бабы дерутся на базаре.

Городовой уже рассмотрел голову, что торчала над шезлонгом. Неизвестный господин кормил чаек по-своему. Обычно публика развлекалась бросанием хлебного мякиша вверх, где его на лету хватал жадный клюв. А этот, кажется, кормил с руки, словно синичек. Жирные чайки с хищно загнутыми носами и кроваво-красными перепонками на лапах падали ему на колени. Наверняка городской не видел, птиц скрывал шезлонг.

Он подошел достаточно близко и вежливо, все-таки не с преступником дело имеет, кашлянул.

– Прошу прощения...

Чайки всполошились, но господин даже головы не повернул. Это было невежливо. И незаслуженно. Городовой для важности одернул ремень, подправляя шашку, и двинулся знакомиться. Птичья стая бросилась наутек, вопя от возмущения и суетясь крыльями. Этого переполоха господин в шезлонге и не заметил. Григорьев еще раз представительно кашлянул и шагнул вперед. Он уже потянул ладонь к виску, отдавая честь, но так и не успел ее донести, застыв на полпути, словно загораживался пятерней от солнца.

На него смотрели спокойные, немигающие глаза. Не это поразило городского до самого основания души. Перед ним предстало зрелище из самых страшных кошмаров, какими, впрочем, Григорьев не страдал. Он понял, чему так радовались чайки. В тот же миг в голове Григорьева словно взрыв раздался, и свет померк в его глазах.

Напарник его Шемякин вовсе не горел желанием заступать на пост. Но Григорьев где-то запропастился. А уж этот лишнего шага не ступит. Может, и вправду что случилось. Не дожидаясь сменщика, Шемякин отправился на поиски. Пройдя положенные улицы, он вышел на пляж. Белый мундир и фуражку он заметил издалека. Григорьев вел себя странно: уселся на песке перед шезлонгом. Шемякин удивился, но кричать на весь пляж было совестно. Борясь с песком, дошел до товарища и позвал. Григорьев только губами шевелил, уставившись в одну точку. Что было совсем странно.

Шемякин тронул его за плечо.

– Миша, ты чего?

Напарник не реагировал, будто спал с открытыми глазами. Шемякин глянул на шезлонг. Только воля и упрямство удержали его, чтобы не сбежать со всех ног. Крепко зажмурившись, он кое-как нащупал свисток, болтавшийся на плетеном шнурке, и дунул со всей силы и отчаяния.

Станция «Сестрорецк» располагается, можно сказать, в

центре нашего городка. Ничем вокзальное здание не знаменито: обычный двухэтажный дом из бревен, с верандой вместо балкона. Местные жители разукрасили вокзал, наклеивая объявления о сдающихся дачах, продаже свежего молока, услугах приходящей поварахи и прочих надобностях дачной жизни. Рассчитаны они на пассажиров, что сходят здесь. Из столицы дачники и прочие отдыхающие персоны прибывают в тесных вагончиках, которые тащит за собой крохотный паровичок, похожий на шкатулку с колесиками. Больше паровозы и пульмановские вагоны по Приморской железной дороге не ходят. Да и куда ходить, когда конечная станция «Дюны» находится в трех верстах. А для дачных развлечений транспорт вполне подходящий. Несмотря на игрушечный вид, железная дорога – главное средство сообщения Сестрорецка со столицей.

Первый состав прибывал на станцию в семь утра, выгружал самых отчаянных столичных жителей, доползал до конечной и разворачивался в обратный путь. На перроне в такой час не то что встречающих, даже самых отчаянных толк, торгующих семечками и солеными огурцами, не сыскать. Только сонный дежурный, заткнув под мышку флажки, сидит на лавочке. Нынешним утром по перрону прогуливался господин в соломенной шляпе, натянутой довольно низко на глаза, словно не хотел, чтобы его узнали. Маскировка не сработала, дежурный поздоровался с ним, окликнув по имени, и снова заснул.

Прибывший паровозик тоненько свистнул, зафыркал паром, сбавляя ход, втискивая все шесть вагончиков на дачный перрон, и, наконец, затих, вполне довольный собой. Из дверей выходили редкие пассажиры. Последним вышел высокий господин в котелке. Одет он был так, словно на улице не лето, а поздняя осень. Пальто до колен, и кашне вокруг шеи, цилиндр на голове. Быть может, он боялся простуды? Господин отличался орлиным носом, на котором блестело стеклышко пенсне. Брезгливо окинув перрон, он заметил мужчину в канотье, спешившего к нему. Господин не выразил ни радости, ни огорчения от встречи, не заметил приподнятую в приветствии шляпу и даже не подал руки, не желая отпустить массивную трость.

– У меня мало времени, – сообщил он. – Не больше получаса. Я должен уехать на обратном поезде.

– Конечно, конечно. Может, изволите в буфет? Чаю или кофе? С утречка, так сказать...

– В этот час буфет закрыт, господин Танин, вы забыли.

– Ох, простите, Конрад Карлович, я что-то устал. Не спал всю ночь...

– Развлекаетесь?

– Ну, что вы, разве можно... Только о делах и думаю.

Танина смерили взглядом, назвать который доброжелательным было бы опрометчиво. Психиатр так смотрит на безнадежного пациента: помочь невозможно, а пристрелить нельзя.

– Хорошо, господин Танин, я рад, что вы думаете теперь о делах.

– Я тоже рад, – сказал Танин.

Конрад Карлович уставился на Танина сквозь пенсне и стал еще больше похож на птицу.

– Чему же вы рады?

– Ну, я... То есть... Думал, что имею честь... Вам...

– Хорошо, вернемся к нашим овцам, – господин сверкнул стеклышком.

– Баранам... – подсказал Танин и сразу пожалел.

– Что?! – спросил Конрад Карлович.

– Ох, простите меня, сорвалось... Готов вас выслушать...

Солидный господин усмехнулся.

– Хорошо, тогда начнем, – сказал он. – Только исключительные обстоятельства заставили меня назначить вам встречу. Известная мне и вам персона стала тому причиной. Я не хочу делать вид, что получаю удовольствие от общения с вами, но делать нечего, надо пережить и это. Мне хватит сил и достоинства, чтобы не запятнать мою семью позором. Однако от вас я потребую твердого слова.

– Я к вашим услугам.

– Итак, мое первое условие...

Конрад Карлович излагал его четко, словно на конторских счетах сбрасывал костяшки. Голоса не повышал, но было заметно, что держаться спокойно стоило ему больших усилий. Танин не перебивал и не переспрашивал, внимал послушно.

За первым условием последовало и второе. За ним и третье. Все они были простые и понятные. Причем чрезвычайно выгодные. Только вот цену за них придется заплатить изрядную.

– Я не требую от вас ответа немедленно, – закончил Конрад Карлович. – Даю вам на размышления три дня. После чего хочу знать ваш ответ. До этого времени и после никто не должен знать о нашей встрече.

– Можете не сомневаться.

– И еще одно. Где ваша трость? Мужчина без трости – это неприлично.

Танин пожал плечами, и пенсне яростно блеснуло.

– Итак, у вас три дня, считая нынешний.

– Не беспокойтесь, я не забуду.

– Вот именно, не забудьте. Вам надо решиться.

– Разумеется, я все понимаю.

– Хорошо, буду на это надеяться. Пора на поезд. Не хочу опоздать. Меня не надо провожать.

Конрад Карлович спустился с перрона, перешагнул через рельсы и поднялся на второй путь. Танин из вежливости остался, чтобы хоть ручкой помахать. От него демонстративно отвернулись. До самого прихода поезда он имел счастье наблюдать прямую спину Конрада Карловича.

Над шезлонгом устроили нечто вроде шалаша, – пристав руководил его сооружением лично. В дело пошли доски, по-

добранные из ближайшей складки, и тряпки, попавшие под руку. Сооружение вышло разноцветным, как цыганская кибитка. На пляж никого не пускали. На всех подходах поставили городских, которым было велено говорить о санитарной обработке прибрежной линии во избежание холеры. Даже заикаться о случившемся городским было запрещено. Цепь из белых мундиров была жидковата, самые нетерпеливые дачники прорывались, их приходилось ловить и водворять за черту. Публика возмущалась, но потихоньку поворачивала домой. Страх эпидемии сильнее жажды морского воздуха.

Рядом с шалашом стояли пристав, доктор Асмус, вызванный на место преступления за неимением полицейского криминалиста, и несчастный Григорьев. Городовой сидел на песке. Взгляд его остекленел, он все время повторял: «мураши... мураши... мураши». Сначала доктору пришлось заниматься живым. Он готовился оказать первую помощь и приставу, но это не понадобилось. Недельский был спокоен и разумен. Объяснить этот феномен можно было одним: как только реальная жизнь преподнесла сюрприз, пристав освободился от горячечных фантазий. Хоть на некоторое время. Он терпеливо ждал, когда Асмус приведет в чувство городского.

– Что с ним? Здоровый мужик, откуда такая чувствительность?

Раздвинув Григорьеву зубы и кое-как засунув ложку с

микстурой, Асмус взглянул в недвижные зрачки.

– Что вы хотите, такое зрелище кого угодно свалит. Удивляюсь, как вы держитесь.

– Я привычный. Здесь – кремень! – пристав ударил себя по груди, что было не самым добрым знаком. – А что он все твердит?

– Полагаю, городского особо поразил вид муравьев, бегущих по... Да сами взгляните, я их не трогал...

– В другой раз. Что скажете о преступлении?

Асмус поднялся и отряхнул ладони.

– А что я могу сказать о преступлении?

– Сделали первичный осмотр, какие выводы...

– Послушайте, пристав, я не криминалист, я земский врач

...

– Других врачей у меня нет. Скажите хоть, как его убили.

– А вы сами не догадываетесь?

– Конечно, внешний осмотр важен... Но ваше мнение?

– Думаю, самоубийство.

Пристав даже за шашку взялся, – как видно, от растерянности.

– Но этого не может быть!

– Рад, что вы это понимаете, – сказал Асмус. – Сергей Николаевич, позвольте, я пойду. Здесь я вам ничем не помогу. Григорьева доставьте в лазарет, пусть им наш Нольде займется, приведет в чувство. А у меня утренние визиты. Больные ждут.

– Не могу, еще протокол не составлен, вы должны расписаться.

– А, чтоб тебя... – интеллигентный врач добавил народное словцо. – Только прошу вас, побыстрее...

В цепи городских произошло движение. Послышались возмущенные возгласы и разговор на повышенных тонах. Заметив, кого не пускают, пристав побежал встречать долгожданного гостя. Вернулся он в сопровождении предводителя. Фёкл Антонович был бледен, позавтракать не успел, и вообще пробуждение вышло мрачным. Кого порадует новость о злодейском убийстве с утра пораньше?

– Где это случилось? – спросил он, оглядываясь и невольно зажмуриваясь, словно ожидая горы трупов.

Пристав указал на шалаш. Предводитель совершенно растерялся.

– Зачем его сюда засунули?

– Нет, не то... Его так нашли, чайки клевали, а это я распорядился, чтоб от лишних глаз укрыть.

– Какие чайки? О чем вы?

Предводитель решил было, что Недельский впал в одно из своих особых состояний. Но пристав четко и без вывертов открыл чистую правду: телом действительно занялись хищники. Видимо, лежало оно долго, не иначе с глубокой ночи.

– Я хочу взглянуть! – потребовал Фёкл Антонович.

– От всей души не советую, – сказал Асмус.

– Нет, я глава города, я должен... В конце концов, это мой

долг, как государственного чиновника...

Асмус только плечами пожал и приготовил успокоительное.

Пристав распахнул укрытие. Фёкл Антонович только за-
сунул голову и тут же отскочил, как ошпаренный, попятился
и выпустил на песок остатки плотного ужина. Тяжело дыша
и утирая лицо платком, он принял из рук доктора рюмку с
лекарством.

– Простите, господа... Я не думал, что это будет такое...

– Я предупреждал, – сказал Асмус. – И почему никто не
хочет слушать советы? Господин пристав, теперь-то вы меня
отпустите?

Недельский благосклонно кивнул. Асмус приподнял край
летней шляпы и неторопливо ушел. А предводитель все еще
не мог обрести спокойствие в полной мере.

– Боже мой! – повторял он.

– Но я же вас предупреждал! – сказал пристав.

– Да о чем вы, Сергей Николаевич! Когда нас ожидает та-
кое событие, и вдруг это! Это конец! Все пропало! На нас
поставят крест, понимаете вы это! Полнейшая катастрофа!
Надо что-то делать...

– Будем искать.

– Искать! Не говорите ерунды! Нельзя, чтобы об этом ста-
ло известно в столице. Делайте что угодно, но чтоб муха не
вылетела, хотя бы до срока. И, не дай бог, репортеры про-
нюхают! Такое начнется! Чтоб никого близко не подпускать!

Хоть на вокзале дежурство устроить!

– Я приказал городовым держать язык за зубами.

– Разумно, хвалю. А этот почему у вас на песке восседает?

– Григорьев? Пустяки, умом тронулся, – ответил пристав. – В лазарете приведут в порядок. Что ему будет? Крепчайший паладин законности.

– Голубчик мой, вы-то только не того... не оплошайте... Сейчас вам нельзя волноваться. Сейчас вы нужны в ясном уме...

– Не извольте беспокоиться. Я в полном боевом порядке! – заявил пристав.

Фёкл Антонович внутренне содрогнулся, но вида не подал. Оставалась надежда на чудо. Не хватало, чтоб за расследование принялся безумный чудак. А чужого вызвать невозможно, не сообщив начальству все... А это значит... Нет, и думать нельзя!

– Что собираетесь предпринять? – спросил предводитель.

– Установим личность жертвы.

– Это правильно, личность надо установить.

– Только розыск будет труднейшим, – заявил пристав.

– Ну, так вы его пока и не начинайте...

– Не выйдет. Нас ждут большие испытания...

Фёкл Антонович схватился за сердце.

– Какие еще испытания? Может, без них как-нибудь обойдемся?

Пристав протянул смятую бумажку.

– Ознакомьтесь. Записка характерного содержания. Найдена в кармане жертвы. Без сомнения, оставлена убийцей.

Предводитель прочел три слова с подписью и пришел в отчаяние: прав Недельский, без испытаний не обойдется... И в такой момент! Как не вовремя... А ведь все так было хорошо... И откуда взялось...

– Здесь ясно указано, что... – начал пристав. Но договорить ему не дали.

– И не думайте! – потребовал Фёкл Антонович. – Делайте свое дело и не играйте в бирюльки. Кстати, устанавливать личность незачем, это инженер Жарков с Оружейного завода.

– Вот, значит, как... Уже добрались... Ну, ничего...

– Сергей Николаевич! – закричал предводитель. – Выкиньте из головы фантазии о заговорах и якобинцах! Нет их и быть не может! Не в нашем городе, и точка!

– Но... Хорошо... Я вас понял...

– Вот и умница. За это вам помогу. Вчера вечером господин Жарков устроил публичный скандал у Фомана.

Лицо пристава стало сосредоточенным и напряженным, как у легавой перед гоном, только в глазах нехороший блеск.

– Так, так... – проговорил он. – Познавательное... Продолжайте...

– Он оскорбил или его оскорбили, не знаю. Дошло до драки и битья посуды. Тот господин выскочил, угрожая расправой.

– Так что же вы молчали! – взвился пристав. – Кто таков? Сейчас мы его...

– Не из наших, не из местных. Приезжий дачник, молодой, чуть старше двадцати лет, одет прилично, расспросите у Фомана, вам укажут, где остановился. Я его на прогулках встречал. Лично не знаком, не велика персона... Да подождите же, куда... Сергей Николаевич!..

Недельского уже было не остановить. Подбежав к цепи, он выдернул пятерку городских, старшему Макарову торопливо дал указания, как поступать с телом и местом преступления, и бросился на поиски убийцы. Городовые еле поспевали за горячим приставом.

Стася Зайковский спал тревожным сном. Снилось ему погоня, в которой он бывал то зверем, а то загонщиком, – словом, бессмыслица какая-то. Стася во сне кричал что-то отчаянное и грозное, отчего у него по спине бегали мурашки. Кажется, то ли он на кого-то замахивался, и даже хватал за ворот, то ли на него замахивались... Но кто это был, чего хотели от Стаси, и вообще хотели ли, или просто намеревались мучительно покончить с его молодой жизнью, он не понял. И еще он спешил во сне к какой-то непонятной, но тревожной цели. Под одеялом он брыкался, как заяц, пальцы его подрагивали и сжимались, – вдруг что-то тяжелое ударило его по голове, сбilo с ног, он покатился кубарем, отчаянно хватаясь за камни и сухие корни, и... проснулся.

Подушка была измята, лоб и в самом деле саднил. Стася потер большое место и приподнялся. В ямку подушки, где лежала щека, скатился камешек. Послышался тихий свист. Стася спал рядом с окном, выходящим в яблоневый сад. Он подтянулся к спинке кровати и выглянул. Его поманили наружу.

На часах не было и восьми. Жуткая рань. Бесчеловечно будить человека в такое время, даже если сон не праздничный. Борясь с веками, которые слипались сами собой, Стася накинул халат и кое-как попал в шлепанцы. Он на ощупь пробрался к задней двери, придерживаясь за стенки, чтобы не упасть. Со сна Стасю пошатывало. А ведь как ловко бегал только что...

В саду было утренне зябко. Солнце еще не пробралось сквозь верхушки сосен. Стася поежился и запахнул ворот:

– Чего тебе?

Гость, которого встретили так холодно, улыбнулся, тронул потертую кепку и сплюнул на ноги.

– Спать вредно. Проспишь великие события... Стася, – добавил он, словно дразня детской кличкой.

– Не твое дело. Сколько хочу, столько и сплю. И отчет давать никому не намерен. – Стася зевнул. – Чего пришел?

– Может, чаем угостишь?

– Рано чай гонять. Самовар не растоплен, кухарка спит.

– Я не гордый, могу и остывший, вчерашний. Неужто опивков другу не нальешь?

– Если тебе, Усольцев, пошутить вздумалось, так я пойду.

Поищи кого-нибудь другого.

– Постой, постой... Разговор есть важный... Отойдем...

Усольцев двинулся к кустам. Стася поплелся следом.

– Нельзя ли без этих... твоих причуд? – сказал он, вставая с подветренной стороны, чтобы лишний раз не задерживать дыхание.

Наивную уловку Усольцев отметил крысиной ухмылкой.

– Брезгуете, господин Зайковский? А ведь так пахнет земля наша, так пахнет народ наш, что страдает под игмом кровавого режима. А вы между тем нежитесь в чистеньких постелях, носите шелковые халаты, кухарка у вас самовар ставит. От жизни получаете одни удовольствия. В то время как...

– Все это мне отлично известно. Скажи просто: чего тебе надо?

– Такое просто не скажешь... Но если ты настаиваешь... Ответ на один вопрос. От этого будет зависеть все прочее. Только один вопрос.

– Не тяни, пожалуйста.

– Все для тебя, Зайковский. Так вот, ответ мне: друг ты нашему делу? Заметь, спрашиваю не «друг ли ты мне», это совсем не важно. Делу нашему друг? Предан ли ты ему?

Стася предпочел бы никогда не отвечать на такие вопросы. Он подоткнул ворот халата и еле заметно мотнул головой. Понять это можно было как угодно.

– И этого мне достаточно! Друг! Как и знал, что друг!

– Дальше-то что?

– А дальше, друг наш Стася, вот что...

Усольцев поманил ближе. Задержав дыхание, Стася подставил ухо. Обдавая зловонием гнилых зубов, Усольцев говорил неторопливо. Чем больше он рассказывал, тем глубже погружался Стася в липкий, холодный ужас, который расползался по телу и душе. Это не сон, это происходит на самом деле. Не проснешься и не отгонишь как наваждение. Он вдруг ясно понял, что, ввязавшись в дело, которое казалось интересным и в чем-то забавным развлечением от уездной скуки, вляпался в такое, что головы не сносить. Шутки обернулись историей, от которой бежать без оглядки. Тут уж не о репутации надо думать, тут жизнь спасать. Да как же его так угораздило?

– Так мы на тебя надеемся. Ты слово дал. Жди сигнала...

Усольцев хлопнул по спине и исчез в кустах.

Стася качнулся и еле устоял на ногах, потеряв шлепанец. Он стоял в саду и не знал, что теперь делать. Бежать? Некуда. Но и вот так ждать, когда за ним придут... Это тоже невысказанно. От страха с ума сойдет. А может... Каяться, просить прощения? Может, поймут и не накажут? Но ведь это предательство... Да, все это пустые слова. Свою шкуру спасать надо, вот что главное. Но и торопиться не следует. Надо дотянуть до последнего момента. А там уже с фактиками на блюдечке... Так вернее будет. Именно так и надо. Раньше времени сунешься, еще и дураком окажешься. Ждать надо,

там видно будет... Ну, спасибо тебе, друг Жарков, устроил приятный сюрприз...

Сон пропал окончательно. В мрачайшем расположении духа Стася отправился будить кухарку и требовать чаю.

Дом на Зоологический улице ничем не выделялся среди таких же одноэтажных бревенчатых дач, где зимой жарко топили печь хозяева, а летом распахивали все окна и пили чай на веранде дачники. Сейчас дом окружили полицейские силы. Не меньше армии. Около веранды притаился городской, другой перекрыл выход с заднего двора, еще двое взяли на себя окна, а сам пристав, раздававший команды шепотом, решил идти в лобовую атаку.

Стараясь лишний раз не стучать каблуками, он штурмовал ступеньки крыльца, замер перед дверью, прислушиваясь, не готовится ли жестокий отпор. В доме было тихо. Пристав разобрал храп хозяйки, мещанки-вдовы Матюшковой. Иных тревожных звуков не обнаружил.

Он тихонько дернул ручку. Дверь оказалась не запертой. Недельский переступил через порог, на цыпочках прошел мимо лежанки, на которой разметалась хозяйка, и заглянул в комнату. На железной кровати, подоткнувшись одеялом, спал злодей, не догадываясь, что возмездие уже стоит в проеме двери. Пристав хотел было лично скрутить убийцу, но, вспомнив, что тот сотворил с Жарковым, счел за лучшее вернуться с подмогой. Он прокрался назад, выглянул из дверей

и поманил свою армию.

Серафима подскочила на матрасе от страшного грохота, будто свалился шкаф с посудой. Спросонья не поняла, что случилось: то ли дом грабят, то ли пожар. Из комнаты раздавались грозные крики и как будто шум борьбы. Закрывшись одеялом, как шубой, она спрыгнула на пол и ринулась спасти имущество, которое наверняка уже грабят. Вместо разбойников она увидела самого господина станового пристава, который размахивал шашкой, а двое городских держали ее милого мальчика постояльца, причем держали крепко, заломив руки и нагнув в пояс. На полу валялись осколки разбитой вазы, тарелок и даже любимого графина. Под шашкой пристав пали и занавески.

– Это что же такое творится! – закричала хозяйка.

Махнув еще разок шашкой, пристав обернулся.

– Госпожа Матюшкова, требую отвечать по закону! В каком часу вернулся ваш постоялец?

– Так это... Поздно уже вернулся... А вам какое дело?

Пристав многозначительно постучал пальцем по лбу.

– Вот оно! Вернулся поздно! Что и требовалось доказать!

Извольте выйти вон, здесь полиция занимается!

Хозяйка высказала все, что думает о самоуправстве, но только про себя. Вслух же фыркнула и удалилась. Разгромив последний очаг сопротивления, пристав подступил к задержанному.

– Ну, здравствуйте, молодой человек, вот мы и встретимся!

лись!

– Отпустите... – злодей еле хрипел.

Пристав разрешил захват ослабить, но за локотки придер- живать, так верней будет. Вместо того чтобы каяться, пре- ступник возмутился.

– Это что вы такое себе позволяете? – спросил он дерзко.

– Ох, как заговорил! Слишком резвый, как погляжу. Ну, ничего, мы быстро стреножим.

– Вы не имеете права задерживать без постановления про- курора! Это самоуправство!

Пристав игриво хохотнул:

– Вот какой образованный! Это у вас в столицах прокуро- ры. А у нас прокуроров не имеется. Негде им взяться. У нас городок тихий – раз, и сразу в мешок. Вот так-то... Что это такое, что за следы? – сняв со стула белую сорочку, Недель- ский растянул на пальцах бурые капли.

– Кровь носом шла, что тут такого.

– Ну, конечно! Носом! И как будто нарочно – свежая. Так где же вы провели вечер, милейший господин Джек?

– Пристав, что за бред? Какой Джек?

– В чинах разбираемся! – заметил Недельский, ощупывая карман пиджака. – А что это у нас тут?..

Появился финский ножик в чехле.

– Момент истины свершился! – прошептал пристав, еще не веря в молниеносную победу. – Все улики налицо.

– Это перочинный нож! Что тут такого?

– Перья, значит, чистим? Людей режем, а потом перышки чистим. Так я и знал...

– Требую, чтобы меня немедленно отпустили. Я требую объяснений, по какому обвинению задержан.

– Требуете? Ну, конечно... Как же иначе. В таком случае, разговор продолжим в участке... Берите его...

Городовые подхватили злодея под мышки так, что ноги его не касались пола, и как есть, в подштанниках и сорочке, поволокли на улицу. Молодой преступник не сопротивлялся, повиснув мешком.

Двуколка въехала в ворота, за которыми виднелась небольшая, но уютная дача, каких множество на Курортной улице. Дворовый работник Петро помог даме выйти из двуколки, и она не побрезговала опереться о мужицкую ладонь. Сойдя, потянулась, глубоко вдыхая утренний воздух.

Подошла кухарка Авдотья, деревенская баба, поднесла мокрое, горячее полотенце, что дожидалось на пыхтящем самоваре. Дама спрятала в нем лицо.

– Где ж ты, Катерина Ивановна, всю ночь шлялась? – спросила Авдотья. Как видно, прислуге позволялись вольности.

Катерина Ивановна отняла полотенце. Лицо ее украсил здоровый румянец.

– Не твое дело, старушка!

– Ишь, нашла старушку... Какая тебе старушка... Помоложе других будем...

– Доша, не бурчи! – кухарку ткнули в живот. – Проголодалась, завтракать хочу.

– Давно уж на столе дожидается... Ишь, старушку нашла...

Авдотья закинула полотенце на плечо и, переваливаясь крутыми бедрами, пошла в дом. Катерина Ивановна осталась. Она пребывала в некоторой задумчивости, словно не могла решиться, подыскивая какой-то приемлемый вариант, но никак не находя его. В той же задумчивости стянула летние перчатки, бросила их под ноги, развязала тесемку и сняла шляпку. Все это – механически, взгляд ее блуждал вокруг.

На улице послышался топот. Это ее отвлекло. Несколько городских пробежали в сторону пляжа. Их догонял пристав на извозчике. Господин Недельский был возбужден чрезвычайно, не мог сидеть, а стоял за спиной извозчика, как адмирал перед битвой, и, не отрываясь, смотрел вперед. Он пролетел так быстро, что даже не кивнул даме.

Катерина Ивановна подошла к заборчику и посмотрела им вслед. Полицейский отряд пропал за поворотом. Тут же явилась Авдотья.

– Приключилось что ль? – спросила она, поглядывая на хозяйку. – Никак, опять буза какая-то... Ну и ладно. А нам и дела нет... Долго тебя дожидаться-то?

– Да иду же, – ответила Катерина Ивановна раздраженно. Странная тревога овладела ею. Отчего-то захотелось узнать, куда так спешит полиция, но ничего предпринимать

она не стала.

Полицейский участок наш, как и полагается в уездном городишке, был скорее клубом городских и двух чиновников, чем опорой порядка. Задержанных сажать некуда, арестантской не имелось вовсе. Да и задерживать особо некого. Местные обыватели нраву кроткого, а если что и случалось, то виноваты обычно были заезжие дачники: драка или пьяный скандал. Главными бузотерами – рабочими Оружейного завода – занималась фабричная полиция, которая к своим делам городскую полицию не подпускала, но и в ее дела не лезла.

Доставив убийцу под конвоем, пристав выгнал чиновников, лениво гонявших мух, приказал запереть окна, а за дверь поставил двух самых крепких городских. Так что в присутственной части они с обвиняемым остались вдвоем.

Злодею в подштанниках было разрешено сесть. Сам же пристав не без удовольствия расположился за столом, достал новую папку дела, допросные листки, которыми пользовался давненько, и приготовил перо.

– Запирательства бесполезны. Советую чистосердечно признать вину, чем облегчить свою нелегкую погубленную участь.

– Вы играете дурную комедию или пьяны, – ответил злодей.

– Это мы сейчас посмотрим. Прошу назваться.

– Пожалуйста: Николай Гривцов.

– Род занятий?

– Служу в Петербурге.

– Где именно?

Преступник помедлил с ответом.

– В ведомстве градоначальника, – наконец сказал он.

– Надо же! Вот будет приятный сюрприз! – Пристав так яростно делал записи, что перышко рвало казенную бумагу в клочья. Он и не замечал мелочей. – Ваш чин?

– Коллежский ассессор.

– Вот, значит, как, дослужились... Извольте сделать признание?

– Сначала извольте сообщить, в чем меня обвиняют.

– Извольте, изволяю! Вас, Гривцов, я обвиняю в несомненном убийстве инженера нашего знаменитого оборонного Оружейного завода, несчастного Жаркова.

– Жаркова? А кто это?

Недельский усмехнулся:

– Это дешевый трюк, Гривцов, и вы меня не проведете. Имеются несомненные свидетели, что вчера вечером в ресторане Фомана вы повздорили с Жарковым и, уходя, грозилась его убить. Это слышали сотни человек. Так что не запырайтесь...

– Ах, вот что... Это же откровенная глупость.

– Суду это будете рассказывать. Я жду окончательного признания...

– Во-первых, ничего похожего на угрозу убийства не было. Признаю, был в расстроенных чувствах, а что не скажешь под горячую руку?

– Вот так? Хорошо же... Где вы были после того, как ушли из ресторана?

– Вернулся домой, чтобы почистить одежду. Спросите хозяйку.

– Спросим, непременно и жутко спросим. А затем чем себя развлекали?

– Пошел прогуляться.

– Это в каком же часу ночи вы гуляли, молодой человек? Хо-хо... Нечего сказать – время для прогулок. Можете указать свидетелей ваших прогулок?

– Я... Я бродил в одиночестве, – ответил Гривцов.

– С финским ножом в кармане? И вот тут вы попались! – провозгласил пристав. – Все, сдавайтесь.

Гривцов закрыл лицо руками.

– Хорошо, я сделаю признание... Только дайте напиток.

Пристав был исключительно благодушен. Не поленился встать и пойти за графином, который чиновники держали в дальнем углу, подальше от посетителей. Только он взялся за горлышко, как произошло невероятное. Со звоном и грохотом обрушилось оконное стекло, вынесенное стулом. Недельский еще успел заметить, как в образовавшийся проем сиганул злодей, сверкая подштанниками.

В приемную заглянули городовые. Выронив графин, при-

став заорал:

– Схватить! Вязать! Крутить! Бегом!

Городовые бросились в погоню.

Игнатий Парамонович Порхов привык вставать засветло. Когда дело было еще в зачатке, он лично осматривал склады, проверял отправку, не чурался никакой работы. Теперь за всем лично не уследишь, так дело разрослось. Да и не было нужды. Но привычка осталась. День Порхова начинался с того, что он принимал подробный доклад: где, сколько, чего.

Секретарь Ингамов всегда мог ответить на любой вопрос хозяина. Недаром служил во флоте. Выправка и понимание о дисциплине. Незаменимый человек.

Отчитавшись до конца и получив благосклонный кивок, секретарь не вышел, как это полагалась по церемониалу, а стоял с папкой, украшенной золотым тиснением. У Порхова была необъяснимая тяга ко всему официальному и государственному. Папку для доклада украшал герб. Правда, не совсем жалованный, а нарисованный одним местным художником. Но фантазия ведь не преступление.

– Чего тебе, Матвей?

Ингамов замялся с ответом.

– Есть некоторые сведения, – все же сказал он.

И замолчал опять.

Такое поведение идеального секретаря Порхов не одобрил.

– Ну, так говори, что стряслось.

– Не знаю, как это сказать.

– Да что такое, в самом деле! Что за тайны?

– Известное вам лицо... – Ингамов сделал паузу, чтобы патрон понял, на какое именно лицо он намекает. – Сегодня утром найден на пляже.

– Что значит: на пляже? Пьяным, что ли...

– Никак нет. Убит. Говорят, особо изощренным способом.

– Откуда узнал? Сведения верные?

– Везде нужные люди имеются. Передали весточку...

– Жаль человека, – сказал Порхов, разглаживая бородку. –

Спасибо, что сообщил. Все, Матвей, не задерживаю.

Ингамов поклонился и вышел.

Игнатий Парамонович задумался так крепко, что потерял покой. Виду он, конечно, не подал, умел собой владеть. Но эта новость ударила как обухом по затылку. Как с ней быть, Порхов не решил. И так, и сяк – получалось хуже некуда.

Гривцов, чтобы уйти от преследователей, бросился в Нижний парк. На Канонерской улице у него не было бы шансов. Скорее всего, его бы не стали догонять, а без лишних слов подстрелили. Гривцов догадался, что некоторые странности пристава – неспроста. Такой палить начнет, не задумываясь. Мертвый убийца куда удобнее живого, который еще может испортить все дело.

Выручали кусты. Не хуже зайца Гривцов петлял и старался как можно дальше нырнуть в зелень. Плохо зная чужой

город, он двигался почти наугад, помня, что в определенный момент надо резко повернуть. Главное – не пропустить этот момент. Бежать босиком, да в кальсонах, было больно ступням и стыдно душе. Но если на карту поставлена жизнь, довольно молодая, которой недавно стукнул двадцатый годик, и в награду за успехи был пожалован очередной чин, жалко со всем этим расставаться за просто так. Пришлось Гривцову бежать, и стыдиться тут нечего.

Он слышал погоню – городовые хоть и потеряли его из виду, но не отставали. Повизгивания пристава невозможно было спутать даже с паровозным гудком. Они подгоняли не хуже кнута.

Проскочив зеленый массив, Гривцов сиганул через проулок, повернул под прямым углом и припустил через Средний парк. Он старался не думать, что произойдет, если маневр его разгадают и там, куда он стремится, будет засада.

Гривцов одолел парк, распугав гуляющих дам непотребным видом, и пересек рельсы железной дороги. Впереди виднелись безымянные насаждения, куда более жидкие, чем парки. Другого выхода не было. Перебежав через Пешеходный мост, поставленный в узком месте речки Заводская Сестра, он еще раз свернул. Если бы пристав способен был думать на бегу, он наверняка бы понял, куда стремится беглец. Гривцову оставалось совсем немного. Но самое трудное.

Обогнув православное кладбище и церковь Св. Николая, что было хорошим знаком, он проскочил мимо богадельни и

оказался в сердце города. Теперь только скорость могла выручить. Юноша в нижнем белье, бегущий босиком по мостовой, привлек всеобщее внимание. В головах горожан немедленно родилась удивительная история, как муж вернулся и застал жену, ну, и так далее... Раздались даже приветливые выкрики. Его подбадривали «молодец!» и «давай-давай!». Когда же внизу улицы появился отряд изнуренных городских во главе с приставом, у которого от непривычки к бегу глаза выкатились из орбит, восторгу публики не было предела. Население еще не привыкло к спортивным состязаниям, воспринимая спринтерский бег как отличное развлечение.

Силы у Гривцова заканчивались. Но у полицейских они закончились давно. Городовые еле-еле волочили сапоги, пристав держался только на характере, орать не мог, а дышал распахнутым ртом. На последний поворот и Крещенскую улицу Гривцов выскочил уже, плохо разбирая дорогу. Глаза туманила усталость. Но главное увидел: вывеска «Телеграф».

Начальник почтово-телеграфной конторы, господин Иванов, только заступив на службу, изучал вчерашнюю газету. Дверь распахнулась, и в приемное отделение ввалился молодой человек в кальсонах и разодранной рубашке. Он дышал так, словно за ним гнались, а вид имел слегка ненормальный, если не сказать очумелый.

– Что вам угодно? – только и смог, что спросить господин Иванов.

Страшно захрипев, словно в легких сидел кинжал, юноша выкрикнул:

– Срочная депеша! Сыскную полицию!

– Что-с? – пробормотал начальник телеграфа.

– Враги в городе! Я – секретный агент полиции! Быстро!

Лик посетителя был столь безумен, а слова настолько выходили за понимание господина Иванова, что он бросил газетку и покорно взялся за телеграфный аппарат.

– Извольте диктовать...

Юноша наговорил краткую телеграмму. Как только он произнес: «Подпись: Гривцов», дверь снова распахнулась, впуслав чуть не весь полицейский участок в полном составе. Как показалось Иванову, городовые сыпались, как опята из лукошка.

Пристав говорить уже не мог. Дрожащей, но твердой рукой он навел револьвер. Войско его, сбившись в кучу, торопливо доставало оружие, щелкали ударники, приводя наганы в боевую готовность. На Гривцова нацелилось шесть дул. Шесть курков были на взводе, стоит только дернуться.

– Не стреляйте! Все, все, сдаюсь! – сказал он, поднял руки и повторил для верности: – Господа, я сдаюсь! Целиком и полностью...

Его примеру на всякий случай последовал и начальник телеграфа, задрал руки так, что ворот черного мундира укрыл уши. Мало ли что, если враги в городе.

Недельскому страстно захотелось разрядить в беглого

негодяя, так подло обманувшего его доверие, барабан. Курок призывно ласкал палец. Так и подмывало нажать, но храбрости не хватило.

3

Персидский принц

Паровичок дал свисток и тронул состав от платформы дачного Стародеревенского вокзала ровно без четверти десять. В последний миг на подножку прыгнул опоздавший. Был он налегке, без корзин и свертков. Перемахнув через ступеньки, вошел в тамбур и огляделся. В вагоне второго класса было свободно. Меж деревянных спинок виднелись редкие головы, дамские шляпки и ситцевые платочки. Он наметил свободное место рядом с входом, как вдруг что-то привлекло его внимание. Он двинулся по проходу.

Паровозик набирал ход, вздрагивая на стыках и покачиваясь. Пассажиры покачивались, только господин этот не замечал качки. Шел пружинисто и легко, – так хищник, голодный и полный сил, крадется к беспечной добыче. Остановился он на середине вагона. Пустые лавки слева от прохода были в его распоряжении. Однако он выбрал место с другой стороны. Приподняв шляпу и спросив разрешения, сел напротив барышни с большой корзиной.

Одета барышня была скромно. Молодой человек, а пассажиру было на вид никак не больше двадцати пяти, понравился ей с первого взгляда. Крепок телом, но не толст, как разъевшийся лежебока. Была в его фигуре притягательная сила, на какую женское сердечко отзывается взволнованным

трепетом. Лицо его не отличалось красотой, скорее была в нем чуть грубоватая прямота. Густые светлые волосы с непокорным вихром, взгляд озорной и открытый. Еще не могла она не отметить чудесные густые усы.

В общем, барышня смутилась, будто сделали ей предложение глубоко неприличное, но поддаться ему так хочется... Щечки ее зарумянились.

Между тем молодой человек поглядывал не на барышню, а на затылок, торчавший за перегородкой, делая вид, что не заметил, какое произвел впечатление. Барышня же старательно смотрела в окошко, за которым пробегали редкие деревья.

– Пожалели бы себя. Нельзя столько работать. Они все равно будут недовольны.

Это прозвучало столь неожиданно, что барышне потребовались все силы не выдать смущение.

– Что, простите?

– Сколько не перешивай платья, им все мало будет, – ответил он.

– Мы знакомы? И вообще... Почему вы... Да что же это...

– Нет, к несчастью, мы не знакомы. О чем я искренно сожалею. Но если вы не сочтете вульгарным знакомство в поезде, буду счастлив. Вас зовут... Дарья.

Дарья – а барышню действительно звали так – растерялась. Но это было так необычно, так не похоже на примитивное заигрывание, что она не смогла рассердиться.

– Откуда знаете мое имя?

– Это очевидно. Из рукава торчит платочек, на нем вышита буква «Д», искусно, надо сказать, вышита. И имя подходит к такой очаровательной барышне.

Дарья хотела бы казаться неприступной, но сил не нашлось. Молодой человек был так мил и честен, да и объяснение так просто...

– Ну, а то, что вы модистка, – продолжил он, – смею думать, очень хорошая, мне рассказали... ну, хотя бы кончики ваших пальцев, еще характерная для наперстка вмятинка. Могу продолжить, но это вам уже наскучило.

Барышня спрятала руки. Какой стыд. И как это не вовремя. Ведь давала себе слово следить за руками. И вот так провалилась...

Вагончик сильно дернуло. Господина, что сидел спиной к Дарье, даже отбросило. Он так и свалился на соседа. Тут же отпрянул, извинился и даже встал, чтобы больше не беспокоить солидного господина. Выбирая, куда бы сесть, он заторопился к проходу в другие вагоны.

– Прошу простить, – сказал приятный юноша и вскочил с лавки. Дарья не успела моргнуть, как он исчез в проходе. Она обернулась и увидела, как ее внезапный знакомый настиг какого-то мужчину в штопаном сюртучке. И все поняла: нашел старого знакомого, весь интерес пропал. Что ж, поделом ей, будет следить за пальцами. И ведь даже не узнала, как его зовут.

А молодой человек легонько подтолкнул своего знакомого в тамбур. Да так, что того занесло об стенку. Он стукнулся лбом, но резко обернулся.

– Да как посмел... – в руке, опущенной книзу, пряталась финка.

– Здорово, Чиж, – сказал молодой человек. – Гляжу, на гастрولي явился? Сезон открыл?

– Кому Чиж, а кому кишки вон... Кто таков?

– Разве не знаешь? Так ведь никогда не поздно познакомиться...

– С клифтом³ знаться – не в чести быть... Иди своей дорогой, пока цел, убогий.

– А то зарежешь? Не умеешь, не твой профиль. Ты же, Чиж, *марвихер* почетный.

– Ах ты, гнида...

Рука целила так, чтобы финка вошла в живот, удар коварный, потому что незаметный, снизу, на коротком движении. Воровской, подлый, но второго не потребуется. Попасть не сложно, цель объемная. Лезвию оставалось совсем немного, чтобы распороть жилетку и войти, разрывая внутренности, а потом провернуться для верности. И все, амба *фраеру*. Вот только ножик чиркнул воздух, а рука, занесшая его, вывернулась наизнанку и сама собой выпустила оружие. Чиж взвыл и от боли грохнулся на колени.

³ Воровской жаргон: *клифт* (здесь) – жертва ограбления; *марвихер* – вор-вирутоз; *амба* – конец; *фраер* – жертва; *залепил* – поймал; *дербанка* – добыча.

– Ой, что творишь... Пусти... Руку сломаешь!..

– Сломаю, если дернешься, – пообещал молодой человек, поднял бесполезную финку и выкинул в открытое окно. – Все, Чиж, гастроль окончена...

– Да кто ты... Ой, больно, ой, зверь... Да кто таков?

– Ванзаров.

Вор от боли кривился, но стонать не посмел.

– Прощения просим, господин начальник... Ваше превосходительство... Обознался... Не посмел бы...

– Видишь, а говорил, что не знакомы. Рад, что осознал.

– Так точно... Ошибочка вышла... Очень рады приятной встрече... О-ой-ей...

Ванзаров выпустил кисть, свернутую в жгут. Чиж кое-как поднялся, старательно пряча бесчувственную конечность, улыбался, заискивая, и даже скромно потупился. Все-таки для вора честь, что его лично *залепил* столичная знаменитость.

– Разговор у нас такой будет. Заниматься тобой мне сейчас некогда, считай, не повезло тебе, Чиж. Сел не на тот поезд. В этом сезоне в столице тебе делать больше нечего. Возвращаешься в Ростов-папу.

– Не сомневайтесь, господин Ванзаров, мы слово держим...

– Дербанку сдаешь мне прямо сейчас.

– Не извольте сомневаться... – в протянутую ладонь Ванзарова лег золотой портсигар.

– Про шмель забыл.

– Ах, извините... – вор тут же вернул объемное портмоне. – Полный расчет.

– Ты меня хорошо понял?

– Не извольте беспокоиться, господин Ванзаров. Мы слово держим-с...

– Тогда тебе выходить. – Ванзаров открыл вагонную дверь. В тамбур ворвался порыв ветра и стук колес. Поезд замедлился на повороте. Не желая утруждать уговорами столь уважаемое воровским миром лицо, Чиж отдал честь здоровой рукой и спрыгнул на ходу. Удачно ли прошло приземление, Ванзарова не интересовало. Он вернулся в вагон.

Почтенный пассажир как раз ощупывал карманы и боролся с сомнением. Приподняв шляпу, Ванзаров протянул ценные вещи.

– Это не вы обронили?

Старичок схватил их так, словно вся жизнь его зависела от портсигара и портмоне. Благодарил он бурно и искренно. Быть может, памятный подарок. Ванзаров отказался от благодарностей – всего-то поднял с пола, – простился и перешел в другой вагон, чтобы не смущать барышню.

Дарья все одно терзалась в мучительных раздумьях. Выйдя на платформу, она успела заметить, как необыкновенный юноша взял первого извозчика из тех, что большим табуном дожидались на привокзальной площади, и, подняв пыль, стремительно уехал. Даже не обернулся на ее взгляд. А ведь

Дарья так старалась, чтобы он почувствовал, и даже загадала кое-что. Все напрасно. Подхватив корзину с работой, она пошла в город.

Извозчик не обманул. За гривенник доставил быстро, как только позволяли кривые улочки и полное отсутствие мостовой.

– Извольте, барин, полицейский участок.

Даже если б над казенным домом не висела доска с государственным орлом, опознать его не составило бы труда. У дверей толкалось с десятков городских, возбужденных беседой.

Ванзаров подошел довольно близко и без стеснения стал подслушивать. В горячке спора на чужака не обратили внимания. Понять, о чем шла речь, было трудно. Служивые говорили все вместе, обсуждая что-то такое из ряда вон выходящее. Кажется, кого-то ловили, судачили о жарком бое и неравном поединке. Разговор как раз достиг той высокой ноты, когда никто уже не следит за правдой, а старается расписать случившееся поярче, да с подробностями все более фантастическими, не забывая о своем участии.

Все же чужака заметили. Гам стих, как по команде. Ванзарову пришлось невинно улыбнуться и пройти в участок. Внутри обстановка была несколько спокойней. Два чиновника о чем-то шептались в углу, а пол мерил шагами маленький пристав, размахивая рукой так, словно рубил в капусту

неприятеля.

– Правосудие! Торжествует! Неотвратимо! – повторял он. Ванзаров громко кашлянул, привлекая внимание.

– Имею честь видеть господина станового пристава?

Недельский замер с занесенной рукой, словно звал за собой в атаку кавалерийский полк, и уставился на незнакомца.

– Кто таков? Почему? Кто позволил? Не принимаем! Сегодня нет приема! Мы заняты! Извольте не мешать государственной службе! Не мешаться под ногами! Да, да, именно так мы их...

Кого имел в виду пристав, каких «их», было загадочно. От такой встречи человек робкого десятка окончательно оробел и растаял бы, как мороженое на горячем песке. Но Ванзаров только усами шевельнул.

– Пристав, у меня важное дело, извольте...

– Нет! Не изволю! Нет важнее дела, чем стоять на страже закона... Я и сегодня показал, что такое отчаянная храбрость с разумением... Да кто вы такой? – пристав, внезапно погаснув, рассмотрел пришедшего. – По какому делу? Репортер? О да, я вас сразу узнал! Репортер к нам пожаловал, господа публики, извольте торжествовать!

Публики, кроме чиновников, притихших в уголке, решительно не имелось. Приставу это не мешало.

– Репортеров мы любим! Как же! – закричал он внезапно. – К репортерам у нас подход имеется! Вынюхивать извольте? Так вас есть чем угостить...

Он схватился за бок, где должна была быть пашка. На его счастье, португеза с ножнами висели на спинке стула. Не растерявшись, Сергей Николаевич рванул кобуру и выхватил наган, привязанный к плетеному шнуру.

Ванзаров отправил шляпу на перила, что ограждали от посетителей канцелярию, взялся за стул, проволоч его с визгом по полу, сел перед приставом и закинул ногу на ногу.

– Цирк не люблю, но если изволите показать акробатический номер, готов потратить на него свое бесценное время. Начинайте.

От такой наглости пристав задохнулся. У него естественно сдавило горло. Чиновники благоразумно спрятались под стол, зная, что может случиться. Даже городовые, сунувшиеся в дверной проем, захлопнули створку. Все живое затихло, как перед грозой.

Отступив на шаг, словно был близорук, Недельский уставился на беспримерного наглеца.

– Вот, значит, как, господин репортер...

Он навел револьвер прямо на наглое и спокойное лицо, разукрашенное мерзкими усищами.

– Так я понял... Ты тоже причастен, репортер... А убить репортера грехом не считается, даже в законах разрешено... Я тебя...

– Попрошу мне не тыкать, ротмистр.

Дуло вздрогнуло, словно не решаясь покончить с наглцом одним выстрелом.

– Ты... ты... как... мне... посмел?

– Прежде чем стрелять, проверьте, заряжен ли наган. Иначе конфуз выйдет. Я-то прощу, а вот преступник может не простить, и полиция потеряет такого бесценного сотрудника.

Спокойный, даже несколько равнодушный тон, каким это было сказано, остудил не хуже ведра ледяной воды. Пристав

отщелкнул барабан и убедился, что он предательски пуст. Вот ведь незадача.

– Вы кто? – спросил он.

– Разумно задать этот вопрос, как только гость зашел к вам в участок. Разве не так?

– Вы кто? – повторил пристав, засовывая револьвер в кобуру.

– Чиновник для особых поручений Ванзаров. Департамент полиции. Сыскная полиция.

Парочка служащих, прятавшихся под столом, быстро-быстро проскочили к выходу, на бегу сверкая улыбочками высокому гостю и бормоча «здрсьте». Дверь тишайше затворилась.

Пристава предали. Пристава бросили. Пристав остался один на одни с грозной, беспощадной силой. Сергей Николаевич выдержал и этот удар судьбы. Одернув китель, он принял самый гордый и независимый вид, после чего прошел за свой стол. Столешница – хоть какая-то защита.

– Что вам угодно, господин Ванзаров?

– Мне угодно забрать человека, который был задержан вами... – Ванзаров оглянулся. – Кстати, а где вы его держите? Что-то не могу заметить ничего похожего на камеру или сибирку⁴.

Недельский тщательно разглядывал сукно стола.

– Это невозможно...

⁴ Карцер.

– Простите, не расслышал. Что невозможно?

– Выдать вам задержанного.

– Причины?

– Он... Опасный и безжалостный преступник.

– Вот как? Что же он такого натворил? Полагаю, устроил в ресторане пьяный дебош. Или вызвал какого-нибудь проходимца на дуэль?

– Не без этого... Но это все мелочи. Главное, что я подозреваю... Он подозревается...

– Простите, как вас...

– Сергей Николаевич...

– Очень приятно, – Ванзаров приложил руку к области сердца. – Так вот, Сергей Николаевич, поверьте моему слову, что...

Узнать, что хотел сказать чиновник для особых поручений, приставу не довелось. В участок ворвался предводитель. Фёкл Антонович тяжело запыхался, как от бега, галстук съехал в сторону, шляпа сорвана, и весь он воплощал одно сплошное нетерпение.

– Где он? Я хочу его видеть, этого человека! В глаза ему посмотреть! Пристав, почему у вас здесь посторонние?

Ванзаров встал.

– Вы кого имеете в виду?

Тут предводитель всплеснул руками, раскрыл объятия и проявил полный восторг.

– Родион Георгиевич! Голубчик! Какое счастье видеть

вас!

К счастью, обошлось без объятий. Предводитель долго тряс Ванзарову руку и все никак не хотел ее отпустить. Они познакомились на приеме у губернатора, и вообще Фёкл Антонович был наслышан о восходящей звезде отечественного сыска. Исчерпав запас дружелюбия, он схватил стул и уселся рядышком с дорогим гостем. Пристав как-то сразу ощутил себя чужим на этом празднике дружбы.

– Как поживает ваша собака? – спросил Ванзаров.

Предводитель чуть не растаял от умиления:

– Вы не забыли про Жулю, о которой я имел честь вам рассказывать?

– Как вам сказать... Собачья шерсть на брючине заметнее.

– Как это мило! Но какими судьбами к нам? Такая радость! Наконец решили отдохнуть недельку-другую? Очень правильно, погода нынче отличная, самый сезон. С дачами уже трудновато, но для вас всегда найдем наилучшую! Как я рад вас видеть! Будете отдыхать и ко мне в гости захаживать!

Ванзаров показал пустые руки.

– Я ненадолго.

– Какая жалость! А может, задержитесь?

– Не более часа. Забрать одного господина, арестованного приставом. Он мне дорог как память.

Фёкл Антонович уже собрался устроить разнос, но тут вспомнил, зачем прибежал в участок.

– Пристав, кого вы вздумали арестовать? Почему меня пе-

ред Родионом Георгиевичем позорите?

Окрик пристав снес с достоинством.

– У нас имеется только один задержанный. Подозреваемый в преступлении, некто Гривцов.

Предводитель улыбнулся самой гостеприимной улыбкой:

– Видите, как все хорошо разрешилось! К счастью, у нас нет того, кто вам нужен.

– Мне нужен именно Гривцов.

– А! Чудесно! Пристав...

До предводителя вдруг дошло, что коварный убийца и господин, нужный милейшему Ванзарову, одно и то же лицо. Это совершенно запутало кроткий ум Фёкла Антоновича.

– Как же так? – спросил он в растерянности.

– Пристав, в чем именно вы подозреваете Гривцова?

Недельский собрал всю твердость, какая у него еще осталась

– Убийство с особой жестокостью инженера Оружейного завода, нашего горожанина Жаркова.

– Вот как? – сказал Ванзаров. – Когда это произошло?

– Тело найдено утром. Очевидно, сегодня ночью.

– Где?

– На городском общедоступном пляже.

– Как было совершено убийство?

– Его... Его... – Пристав собрался с духом. – Немного выпотрошили.

– Мотив убийства установлен?

– Ссора в кафе-ресторане.

– Гривцов был знаком с жертвой?

– Не могу знать...

– Их хоть что-то связывало?

– Не могу знать, – повторил пристав.

– В кафе этом подают пирожные?

– Лучшие в Сестрорецке, – сказал предводитель. – Какое это имеет отношение к убийству?

– Вот что, господа, – сказал Ванзаров. – Не знаю, что у вас тут произошло, но за Гривцова могу ручаться. Он сотрудник сыскной полиции. Несколько раз рисковал жизнью, чтобы задержать опасных преступников. Отчаянной храбрости и образцового понятия о служебном долге. Недавно получил очередной чин. А от меня – отпуск. Могу дать слово, что он непричастен. Прошу его отпустить. Я вам слово дал...

Предводитель переглянулся с Недельским. Быть невежливым для Фёкла Антоновича было хуже горькой микстуры. Он тяжело вздохнул.

– Сергей Николаевич, отпустите... Под мою ответственность.

Недельский спорить не стал. Подошел к люку, вделанному в пол, отпер тяжелый амбарный замок и откинул крышку.

– Задержанный, выходите, – крикнул он в дыру.

– Больше держать негде, кроме как в погребе, – пояснил предводитель. – Что поделать, провинция.

Жмурясь от света, Гривцов появился из подземелья, как

привидение, весь в белом. Ступив босыми пятками на пол, он стыдливо скрестил руки под животом.

– Добрый день, Родион Георгиевич...

– Добрый он или нет, это мы с вами выясним чуть позже, – ответил Ванзаров. – А что это он в одном исподнем? Уже для расстрела приготовили, а, пристав?

– Меня из постели вытащили...

– Жалобы потом. Сергей Николаевич, одолжите какую-нибудь одежду этому арестанту, стыдно сотруднику сыска в таком виде.

Пристав огляделся по углам. Но ничего лучше пыльного мешка не заметил. Потеряв терпение, Ванзаров подошел к окну, сорвал штору и кинул пленнику. Гривцов закутался в пеструю ткань и стал похож на персидского принца. Только чихнул от пыли.

– Очень прошу отвезти его на извозчике за мой счет, – попросил Ванзаров.

Пристав ушел распорядиться. Гривцов поплелся за ним, печальный и взъерошенный. А предводитель впал в тяжкие раздумья.

– Что же это получается? – спросил он. – Получается, что у нас нет пойманного убийцы. А значит, все пропало... И в такое время... Нет, я погиб...

– Что же такое у вас случилось?

– Нет, все пропало! Этого мне не простят! Ведь у нас ожидается такое событие! Редчайшее событие! Уникальное...

Через несколько дней должна произойти закладка новейшего курорта! Понимаете, что это значит? А это значит, что наш уездный городок через два года превратится в новую российскую Ривьеру. Блестящее общество! Лучший курорт в Европе! Самый современный курорт с великолепной санаторией, даже бассейн имеется! Превосходный проект курзала с концертным залом! Эспланада для прогулок публики! Совет министров землю выделил! Великолепие и блеск! А для меня все кончено. Когда накануне таких событий происходит жуткое убийство, в лучшем случае попросят в отставку. А то ведь сочтут дурным знаком, отменят закладку – и все... Мы опять в глуши и безвестности! Все прахом!

Страдания главы города были вполне искренни.

– Я вам некоторым образом теперь обязан, – сказал Ванзаров. – И мог бы помочь.

– Чем вы можете помочь?

Только сказав, Фёкл Антонович осознал, какую редчайшую глупость сморозил. Он вскочил и слишком театрально схватился за грудь.

– Родион Георгиевич! Спаситель! Надежда наша! Только вы и можете нас выручить! Умоляю, снимите с нас пятно! Только на вас вся надежда! Мой-то пристав совсем... того...

– Это заметно.

– Так вы только и сможете! Боже, это чудо! Сам Ванзаров будет проводить розыск в нашем городке!

Пристав как раз вернулся, чтобы узнать, кто теперь руко-

водит поиском убийцы. Нельзя сказать, что это его обрадовало. Звезда из Петербурга – это, конечно, хорошо, но у него и свои соображения имеются. Мальчишку этого отпускать не стоило. В кандалы бы.

– Сергей Николаевич, дело теперь в надежных руках! – закричал предводитель. – Ах, Родион Георгиевич, и подумать нельзя, что так складно выйдет! Вам двух дней хватит?

– Надо посмотреть, – ответил Ванзаров. – Пристав, можно взглянуть на дело?

Недельский потер сапогом пол.

– Не успел еще... Все в спешке... Еще погоня эта.

– Тогда не будем терять времени, – Ванзаров подхватил шляпу. – Поехали.

– Куда? – удивился пристав.

– Осмотрим место преступления. Вы не против? Отлично. Тело еще на месте?

– Должно быть, увезли...

– Заодно проверим, как ваши приказы исполняют.

Ванзаров вышел. Пристав следовал за ним мрачной тучей, в которой созревали молнии.

Фёкл Антонович лично проводил знаменитость до пролетки, пожелал успеха, хороших новостей и даже прослезился. Так переполнил его восторг.

– Как ваша старая рана?

Приставу стало неприятно, что какой-то выскочка из сто-

лицы, нахватавший чинов и младше его лет на десять, лезет в душу. Подлизывается. Только все напрасно. Не на того попал.

– Это наш милый Фёкл вам разболтал?

– Мы с Фёклом Антоновичем Кротких только при вас и виделись, – ответил Ванзаров.

– Тогда кто наябедничал?

– Ваша рука. Трогаете ее чуть ниже локтя. Боль прошла, рефлекторное движение осталось.

– Ах, вот оно что... – Недельский нахмурился. – Было дело...

– Служили в кавалерии, откуда вышли в отставку из-за ранения.

Сергей Николаевич про себя решил, что юнец больно прыток, так и чешет. Неужели в личное дело не забыл заглянуть?

– Давно уже пройдено, – ответил он. – Только у меня на погонах не написано, что я в кавалерии...

– Походка выдает.

– Вот, значит, как... Наблюдательны...

– Так что случилось? Если не секрет. Боевое ранение в лобовой атаке?

– С лошади упал на скачках, – ответил ротмистр. И снова тронул локоть. Сам же решил держать язык за зубами. Ванзаров, как назло, до пляжа молчал.

Оцепление городских сократилось до двух. Только часть

пляжа, где стоял шалашик, была отделена веревкой. Желаящих принимать воздушные ванны это смущало. Дачники и отдыхающие заняли кабинки и шезлонги, подставляя белые северные лица солнышку. Словно им и дела нет, словно и не было убийства.

Ванзаров, борясь с песком, проникшим в ботинки, указал на тряпичные покрывала, теребимые ветерком.

– Это что за сооружение?

– Закрыли место преступления, чем под рукой нашлось.

– Очень разумно.

Пристав отметил, что похвалой его не купить, но какая-то часть хмурого настроения улетучилась.

Городовой Шемякин отдал честь начальству и с подозрением осмотрел молодого человека, пришедшего с ним. Шемякин продрог и мечтал как можно скорее очутиться в участке. Старший обещал забрать вскоре, а вот уже который час тут торчит.

Вблизи шалаша запашок ощущался. Даже ветер залива с ним не справлялся.

– Ну что, Сергей Николаевич, поспорим, что тело еще на месте?

Со своим носом пристав спорить не стал, но прикинул, какие кары обрушит на голову старшего городского Макарова, посмевшего нарушить его приказ.

– Это очень хорошо, что место преступления сохранено в неприкосновенности. Это большая удача, спасибо вам.

Благодарить пристава было не за что. Но все равно приятно.

– Вы позволите? – спросил Ванзаров.

– Сколько угодно.

Он нырнул под укрытие. Внутри запах нестерпимый. Мухи кружились роем, садясь и взлетая, словно выискивали место послаще. Пир им приготовили отменный. Человеческое тело, отпустив душу, превращается в еду, до которой сразу найдутся охотники. По коленям и животу сновали цепочки муравьев, на разодранной сорочке следы клювов чак. Пришел черед мухам. Ничего удивительного. Естественные законы природы. Если бы Жарков упал где-нибудь в лесу, его бы съели с таким же аппетитом. Кто-то лишь немного помог пиру, вспоров кожу и вывернув внутренности. Кишки и желудок свисали бурыми гроздьями. В остальном Жарков выглядел натурально отдыхающим: руки спокойно уложены, ноги согнуты в коленях, голова склонилась к плечу. Отдыхать не мешал штык, который, пробив сорочку, глубоко вошел в грудную клетку. Ванзаров провел по трехгранному лезвию и потер подушечки пальцев. Несомненно – песчинки. Затем наклонился и осмотрел сапоги. Они были старые и поношенные. Сам же костюм новый и не помятый. Осмотрев материю, натянутую на шезлонг, он выпрыгнул на свежий воздух.

Пристав взирал вопросительно.

– Что скажете?

– В котором часу его нашли? – спросил Ванзаров, вдыхая морской бриз.

– Около семи.

– Кто нашел?

– Городовой наш обход делал, я особое распоряжение дал, вот и наткнулся.

– Мне необходимо его опросить.

– Это вряд ли у вас получится, господин Ванзаров.

– Он немой?

– До сегодняшнего утра говорил как надо. Только как этого... нашел, слегка умом повредился. Им сейчас в лазарете занимаются.

– А его кто непосредственно нашел?

– Шемякин!

Городовой сделал шаг вперед.

– Я, вашбродь.

– Доложи господину чиновнику для особых поручений, что тут было.

Осознав важность момента, Шемякин принял стойку смиренно.

– Так точно!

– Это не ответ. Что именно вы видели? – спросил Ванзаров.

– Григорьев на песке сидел.

– А еще что?

– Более ничего... За подмогой побежал.

– Тело трогали? Передвигали?

– Никак нет, и так боязно, трогать еще не хватало.

– Значит, он так и сидел в шезлонге?

Городовой целиком и полностью признал верность этого вывода. Он еще ждал вопросов от странного господина, но Ванзаров вдруг принялся ходить кругами, что-то разглядывая в песке. Иногда он приседал, даже брал горстки песка, иногда останавливался и сгибался в поясе, словно был легким и худеньким. Пристав с напряженным интересом следил за ним. Но все же не заметил, когда рука Ванзарова что-то спрятала в карман пиджака.

Отойдя от шалаша, он что-то подобрал на песке. Пристав прищурился и разглядел обычную ветку с обломанным концом с лохмотьями коры. Таких палок на пляже сколько угодно. Море каждое утро свежие выбрасывает. Что ему далось в этой деревяшке? Помахивая находкой, Ванзаров вернулся, но не по прямой, как нормальный человек, а двигаясь как бы по неправильной спирали. Бесценная находка была протянута приставу.

– Другую половину не находили?

Недельский ответил определенным «нет». Хотя мог добавить, что искать мусор в его обязанность не входит. Ванзаров юркнул под кров шалаша, чем-то пошуршал и вернулся. Обломок держал под мышкой.

– Что за сооружение тут воздвигают? – спросил он, кивая на деревянные сваи.

– Павильон для торжественной закладки ставят, – ответил пристав. – Цветочки, гирляндочки и прочая суета. Мы у них доски для шалаша одолжили...

– Правильное решение. Чего добру зря пропадать. Тело осматривал криминалист?

– Не положены нам по чину криминалисты, да и зачем...

– Ах да. Извините. Тогда надо бы из Департамента вызывать.

– Ох, не надо никого вызывать, господин Ванзаров.

– Без грамотного осмотра дело пойдет куда медленней.

– Медленней – это ничего... А вот если в столице о беде нашей узнают да отчет потребуют... Пожалейте нашего милого Фёкла, он с ума сойдет...

– Раз мы поставлены перед выбором: или карьера предводителя, или быстрая поимка преступника, то надо выбрать... Кто осматривал тело?

– Наш земский врач, господин Асмус.

– Это он лечит заболевшего городского?

– Нет, Григорьевым барон Нольде занимается, врач нашего лазарета. Асмус по больным ездит.

– Где его найти?

– Ежели визиты утренние сделал, или у Нольде чай гоняет, или кофе где-нибудь пьет. Кто его знает. Позвольте вопрос?

– Конечно, коллега...

Приятное слово легло на душу, но пристав не стал отказываться от своего мнения совсем.

– Вы вот все осмотрели тут и... там. Что узнали?

– Не так много.

– Ну, раз секреты...

– От вас нет секретов. Могу сказать точно, откуда убитый пришел.

– И откуда же?

– Сергей Николаевич, распорядитесь, чтобы тело убрали.

А то испортите весь отдых дачникам, – ответил Ванзаров.

– Слушаюсь...

– Да оставьте вы служебное чиновничество, одно дело делаем. И мне сейчас нужна ваша помощь.

Пристав только плечами пожал, дескать, чем могу. Я человек подневольный.

– Отвезите меня к доктору Асмусу, заодно и познакомите.

– Извольте...

– И еще одно. Тело, конечно, надо увезти, а вот шалаш ваш замечательный оставьте. И при нем – пост. Круглосуточный. Никого близко не подпускать. Слишком любопытных хватать и приводить ко мне. Особенно ночных гостей. Не затруднит?

Недельский выразил готовность оказать всяческую помощь следствию. Только спросил: до каких пор держать дежурство. На что получил ответ краткий, но любезный:

– До тех пор, пока я не скажу.

Шемякин, глядя на любезности начальства, загрустил: чиновнам развлеченья, а ему стоять теперь, пока не вспомнят или

не околеет на ветру. Что за напасть началась. А ведь такая служба была в тихом уездном городке... Не служба – мед волшебный.

Фёкл Антонович, приобретя заряд душевной бодрости, решил прогуляться по вверенным ему владениям. Он считал ежедневные прогулки по городу не только полезными для аппетита, но крайне важным занятием. К примеру, обыватель, слегка удрученный плохими тротуарами, отсутствием канализации и фонарей, копит досаду. И тут выглядывает в окно и видит – самая верховная власть прогуливается, не спеша, мимо его дома. И даже мило ему кивает. Обывателю становится приятно. А вместе с тем улетучивается изрядная доля расстройств. Нравы смягчают, устои крепчают. Что не может не радовать. И кажется, что власть все видит, все понимает и старается навести порядок там, куда может дотянуться, и так жаль, что дотянуться до конкретной улицы или дома у нее пока не выходит. Но ведь это дело времени! Не стал бы голова так бодро прогуливаться и мило улыбаться. Значит, все будет хорошо. В большом городе, например в Петербурге, угуляйся градоначальник хоть до полного бесчувствия, ему никто спасибо не скажет. Хорошо, хоть бомбу не кинут. А в маленьком городке прогулка головы имеет совершенно другой эффект. Прогулки эти происходили регулярно, не реже трех раз в неделю. Смотря по погоде.

Вот и сейчас Фёкл Антонович не спеша и без охраны сле-

довал по тротуарам, посматривая по сторонам, отмечая, где на мостовой появились новые ямы, осматривал дома и растительности, приветливо кивая тем, кто это заслуживал. Прогулка его имела форму изящной загогулины, что он закладывал от богадельни, мимо озера Разлив, через железную дорогу, Водоотводный канал, и далее к себе, на Петербургскую улицу.

Предводитель увидел на другой стороне Канонерской улицы господина Танина, бредущего как будто в глубоких размышлениях. Поскольку предводитель считал своим долгом поддерживать личные отношения с лучшими и богатейшими людьми городка, а господин Танин, владея роскошным домом среди сосен на Железнодорожной улице, несомненно, входил в их число, предводитель не поленился перейти улицу и выразить удовольствие от встречи. Танин кисло улыбнулся, на вопросы отвечал односложно и даже поглядывал на часы. Фёкл Антонович осведомился:

– Что вы такой хмурый, Андрей Сергеевич? Так нельзя, скоро у нас новая жизнь начнется, вы разбогатеете! Заживем!

Танин насторожился.

– О чем это вы? Что значит: разбогатею?

– Так ведь проектик ваш замечательный запустите!

– Ах, это... Да, конечно. Я про вас помню.

– А про всякое дурное забудьте. Даже если что услышите, уже знайте, что все проблемы скоро будут решены.

– О чем это я должен услышать?

– Ну, если так, вдруг... – предводитель понял, что на радостях проговорился.

– Нет уж, вы не темните, говорите как есть. Что случилось?

Предводитель решил, что раз все скоро будет раскрыто, буквально завтра, то можно и рассказать про утренний труп на пляже и прочие мелкие неприятности.

– Поверьте моему слову, это никак не повлияет на закладку санатория, – закончил он. – За дело взялся такой мастер, такая величина, что можно готовить аплодисменты. Хоть на вид юн.

– Кто же? – спросил Танин.

– Ванзаров!

Фёкл Антонович преподнес это слово так, будто распахнул занавес, за которым прятался торт необъятного размера или сам граф Лев Толстой, танцующий с саблями. Звучная фамилия не произвела на Танина должного впечатления.

– Я не слежу за криминальными хрониками, – пояснил он. – Действительно хороший специалист?

– Не то слово!

– Разве могут быть в нашей полиции хорошие специалисты? Это же не Скотленд-Ярд. Посмотреть на нашего пристава, так засомневаешься в умственных способностях...

– Ай, как нехорошо! – Фёкл Антонович не любил, когда журили его подчиненных. Уж какие ни есть, а его. – И при-

став наш кое-что умеет, уверяю вас.

– Чем прославился этот ваш Ванзаров?

Фёкл Антонович был рад продемонстрировать глубокие познания. Из того, что попало в газеты, вот, пожалуйста: случай на конкурсе красоты, случай в мире бильярдистов, происшествия вокруг салона госпожи Живанши и даже серия таинственных самоубийств. Ну и прочее...

– Если половина из этого правда, вас можно поздравить, – сказал Танин. – Да, чуть не забыл, а кого убили?

– О, это так грустно. Инженера Жаркова с Оружейного. Знали его?

Танин как-то странно посмотрел, будто ему назвали дату смерти, сбивчиво попрощался и буквально сбежал. Такое поведение Фёкл Антонович простил – молодежь, что с нее взять.

Розыски не были долгими. Как видно, пристав отлично знал, где в этот час можно застать доктора. А проводить время в компании со звездой сыска ему было не интересно. Полицейская пролетка подъехала к зданию вокзала. Извозчики ждали следующий поезд, который должен появиться на горизонте не раньше чем через час. На платформе царило запустение. На втором этаже, в привокзальном кафе, земский врач у окна потягивал чай с лимоном, созерцая обширные огороды сестрорецких обывателей.

– Садитесь, пристав, выпейте чаю, – сказал он. – Сего-

дня заслужили. Бегаете, как скаковая лошадь. Нашли что-нибудь?

Недельский сухо поблагодарил и представил гостя. Асмус пожал крепкую, почти стальную ладонь и посмотрел на Ванзарова в упор, словно пытался что-то вспомнить.

– Ванзаров... – наконец сказал он. – Мне кажется, года два назад читал в «Ведомостях» некролог. Запомнилась звучная фамилия и слишком юный для служебного подвига возраст. Это ваш родственник?

– Не совсем.

– Простите за нескромность: брат?

– В каком-то смысле.

– Но не отец же!

– В этом вы совершенно правы.

– Не хотите тайну открыть?

– Хотел бы. Но не могу.

– Как знаете. Ну, тогда садитесь чай пить. И вы тоже, пристав. Не пугайте своей героической шашкой мирных пассажиров.

– Господин Ванзаров, позвольте удалиться, – сказал Недельский.

Ему разрешили, но попросили подождать в пролетке, а заодно охранять важнейшую улику, которой пристав с большим удовольствием запустил бы в ближайшего воробья. Грохот каблуков затих на лестнице.

– При вас наш орел тих и кроток, – сказал доктор. – Бук-

важно терапевтический эффект произвели. Случайно, не врач по образованию?

– Классическая филология, – ответил Ванзаров. – Кандидатскую по Сократу начал, но не закончил.

– А что так? Интересная тема.

– Потянуло в полицию.

Асмус изучал новичка с профессиональным интересом.

– Как это в полицию может «потянуть»?

– Сначала за романтикой. Затем искал победу истины и логики. Ну, а на пятом году службы...

– Не скрывайте, я врач, мне все тайны доверяют.

– Ловить негодяев – это то, что я умею лучше всего.

– Удовольствие?

– Вроде охоты.

– Но как же победа добра над злом?

– Об этом не стоит беспокоиться. Никуда от нас не денется.

– Это почему же?

– Мы все время побеждаем зло, но оно все время выигрывает. Процесс долгий и утомительный. Но ничего не поделать.

Доктор похлопал кончиками пальцев.

– Вы очень интересный человек. Как приятно, что оказались в нашем захолустье. Надолго?

– В некотором смысле зависит от вас, – ответил Ванзаров. – Я занимаюсь убийством Жаркова. У меня нет возмож-

ности вызвать криминалиста из Петербурга. Вы должны его заменить.

– Родион Георгиевич, я бы с радостью, но поймите, мое дело – простуды, насморки, катар желудка, вывихи, занозы, истерики, нервы и прочая уездная чепуха. У меня и знаний специфических нет.

– Понимаю. Вы осматривали труп?

– К сожалению, не смог отказать, – ответил Асмус и отодвинул чашку.

– Примерное время смерти установили?

– Я и не пытался. Зачем? Ну, пролежал всю ночь. Точнее не знаю.

– Так, температур не замерили. А причину смерти установили?

– Какая может быть еще причина, если ему полживота разворотили?

– Удар штыком был смертельным?

– Понятия не имею.

– Ногти осматривали? Следы на запястьях. Следы удушения.

– Господин Ванзаров, я больше занимался городовым, у которого случилась истерика. Потом вливал успокоительное в предводителя. Фёкл Антонович вздумал посмотреть на труп. Едва чувств не лишился.

– Очень жаль, что тратили время на ерунду, – сказал Ванзаров.

– А что вас беспокоит?

– Меня не беспокоит. Меня интересует, зачем убивать штыком человека на пляже, а потом сажать его в шезлонг.

– Да уж, вопрос, нечего сказать. Спросите лучше у пристава.

– Что именно?

– Он что-то из кармана вытащил у убитого, дал прочесть предводителю, потом они тайно перешептывались.

Ванзаров легонько поклонился.

– Премного обязан. А говорили, что ничего не заметили.

– Но ведь это полная чушь.

– Иногда чушь ведет к неожиданным результатам. Главное – уметь наблюдать.

– А вы умеете? – спросил Асмус.

– Отчасти.

– Что же можете сказать, например, обо мне?

Доктора прощупали быстрым и тщательным взглядом.

– Живете один, давно потеряли любимого человека, не любите тратить деньги, бросили курить месяц назад, носите старый халат малинового цвета, который недавно порвался, однажды сильно отравились, когда пользовали пациента, и хотите выглядеть моложе своих лет.

Асмус подмигнул.

– Признавайтесь: навели обо мне справки? Когда успели? Фёкл Антонович поделился?

– Еще два часа назад о вашем существовании я счастливо

не догадывался, – ответил Ванзаров. – Все сведения полученные от вас. Вы все время трогаете ногти. Это признак того, что отучили себя от привычки их грызть. Почему? Очевидно, как-то раз занесли в рот какую-то заразу. После чего взяли себя в руки. В прямом смысле. Далее. Вы часто щуритесь, значит, страдаете близорукостью. Но очки не носите. Почему? Чтобы не казаться барышням стариком. На усах у вас заметен рыжий налет. Но табаком не пахнет. Значит, бросили курить не так давно. Ну, а след на безымянном пальце сам за себя говорит.

Доктор смущенно крикнул.

– Допустим. Но халат?

– У вас из кармана торчит кусочек фиолетового шелка. Скорее всего – не галстук и не память о любимой. Значит, домашняя вещь. Что? Скорее всего, халат. Вы его порвали, но так привыкли к старой вещи, что хотели бы такой же. Отрезали кусочек, чтобы заказать у галантерейщика. Очень вас понимаю, сам такой. Продолжать?

– Вы меня исключительно развлекли! Жаль, что не спросил про палку, которую отдали приставу. Но этому можно помочь. Не согласитесь ли отужинать со мной сегодня вечером? В благодарность за доставленное удовольствие.

– Готов принять от вас иную благодарность, – сказал Ванзаров. – В земскую больницу сейчас доставят труп Жаркова. Осмотрите его тщательно, как только сможете, и расскажите все, что найдете. Договорились? Ну, а ужин никуда не денет-

ся. Как-нибудь.

Доктор обещал сделать все, что будет в его скромных силах. Простились они тепло.

А вот пристав не проявил дружелюбия. Сидя в пролетке, демонстративно изучал чистое небо. Важнейшая улика валялась у него в ногах. Ванзаров запрыгнул на диванчик, поднял палку и слегка прижал пристава к дверце.

– Что же это вы, Сергей Николаевич, секретики от меня прячете.

– Не понимаю, о чем вы.

– Записка, что нашли в кармане убитого. Сделали вид, что к делу не относится.

– Так и есть, не относится, – ответил пристав, отвернувшись. – Глупость, и только.

– Не заставляйте меня сидеть с протянутой рукой.

Пробурчав что-то туманное, Недельский достал измятый комочек. Ванзаров развернул его.

– Вы правы, к делу не относится, – сказал он. – Эта записка останется пока у меня. Не возражаете?

– Как вам будет угодно. Теперь куда изволите?

– К дому Жаркова. Куда же еще.

Стася Зайковский не желал выходить из дома. Утро, испорченное непрошеным визитом, растянулось до полудня. Он напился чаю, послонялся по комнатам, побродил по саду, сшибая сорняки и землянику, приказал еще раз поставить

самовар и даже лениво поругался с сестрой, перезревшей девицей неопределенной внешности, за которой ему было жалко давать приданое, а задаром она никому была не нужна. Сестра расплакалась и ушла на пляж, заявив, что ноги ее в этом доме не будет, так что раньше ужина ее можно было не ждать. Он сел перед самоваром и взгляделся в свое отражение, надувшее его лицо медным шариком. Тоска овладела его душой. Стася не мог понять причины этой тоски. Ну ладно, Усольцев мерзавец, так ведь он точно знает, что надо делать. Отчего же так муторно на душе, словно завелись в ней дохлые клопы? Отчего не радуется день, который можно провести, как и все прочие, в свое удовольствие? Нет этому ответа. Только смутное предчувствие чего-то дурного, скользкого, как раздавленная улитка, нет-нет да и кольнет сердце.

Стася вконец расстроился. Крикнул кухарке, что чая не желает, взял одеяло и пошел в сад, где под смородиновым кустом было заветное место. В саду было хорошо и прохладно. Он устроился поудобнее на мелких кочках, прикрыл глаза рукой и погрузился в дремоту. И уже начал проваливаться в небытие, как вдруг чья-то тень заслонила солнышко. Стася приоткрыл один глаз, и точно – над ним возвышался силуэт, черный в прямых лучах солнца. Незнакомец молча рассматривал Стасю, словно насекомое, которое раздавить ничего не стоило. Только ногу подними. Это был не Усольцев.

Стася приподнялся на локтях и тут же получил легонький тычок в бок. Гость без церемоний стукнул его по ребрам нос-

ком ботинка, довольно острого. «Что вы себе позволяете!» – хотел заявить Стася, но вместо этого повалился на спину и ручки подтянул к подбородку. Точно – насекомое.

– Лежи тихо, тогда ничего не будет, – сказал незнакомец. – Знаешь меня?

Когда гость бьет хозяина по ребрам ногой, а потом спрашивает, знакомы ли они, дескать, не ошибся ли случаем, даже не знаешь, что ответить. Стася решил, что в данной ситуации правда будет вернее всего. Но язык прилип к сухому небу. Он только головой замотал.

Черный силуэт присел, подставив лицо свету.

– А так?

Так было значительно лучше. Хотя как посмотреть. Стася не был лично знаком, но наслышан был достаточно. И как он пальцы ломал нерадивым подрядчикам, и как приказчика еще бы чуть-чуть, и задушил. В общем, то, что Стася знал, не радовало. Лучше лежать тихо и не рыпаться.

– Вижу, узнал, – сказал гость. – Это хорошо, значит, не надо представляться.

Действительно, Стася знал, как зовут секретаря Порхова. Хотя предпочел бы совсем не знать.

– У меня к тебе дело, Стася, – сказал Ингамов сразу по имени и на «ты», хотя виделись они впервые. – Дело такого свойства, что лучше оно останется между нами. О моем визите ты забудешь, как о страшном сне. Ты не против?

Стася совершенно не возражал. Просто не мог шевель-

нуться. Как жук на булавке.

– Забыть я тебе советую, но помнить советую не менее твердо. Ты понял?

Стася все отлично понял, хотя от него требовали двух противоположностей одновременно: забыть, но помнить. А деваться некуда.

– Ты Жаркова хорошо знаешь? Приятели?

– Да, – наконец сказал Стася.

– Он ведь с тобой всяким делился, верно? Про делишки свои рассказывал, про похождения разные.

– Ага... – согласился Стася.

– Так вот, мой тебе совет. С этого момента ты забываешь все, что он тебе рассказывал. Причем забываешь так крепко, будто и не было вовсе. Ты меня понял?

– Да-с...

– А если тебя кто спросит: «Станислав, а рассказывал тебе друг про всякие свои похождения?» – что ты должен ответить?

– Что? – повторил Стася.

– Ты должен ответить одно: ничего не знаю, ничего не помню, а если и были какие разговоры, так и все из головы вылетело. Ветром сдуло. Нет ничего, пусто. Вот такой у нас уговор будет. По рукам?

– Да-с...

– Умница, Стася, сообразительный мальчик. Долго проживешь. Если сможешь. Раз такой смысленый, отвечай

честно, а то рассержусь. Что тебе дружок твой передал на хранение?

Стася пытался задуматься над странным вопросом, но мысли путались.

– Бумаги давал? – спросил Ингамов.

– Не было такого...

– Записи какие-нибудь, письма, дневник? Дневник Жарков вел?

– Нет-с... Да вы у него же и спросите... При чем тут я!

– Кому, как не другу, ценную вещь на хранение отдать. Ну, так что?

– Не было ничего... Поверьте, Матвей...

– Так и быть. В этот раз поверю. Но смотри, Стася. По дружбе нашей повторю: держи язык за зубами, крепко держи. Иначе подчистую лишишься и зубов, и языка. Это я тебе обещаю, слово моряка...

Стася получил несильный, но очень обидный тычок в тот же бок. Он пискнул, как мышь, которой наступили на хвост.

– Ну, спи-спи... Не буду мешать.

Стася покорно зажмурился. Вокруг стало тихо. Подождав, он приоткрыл глаза. В саду было пусто. Только ветер играл листками. Неужели приснилось?

Скромный с виду домик с резными ставенками словно сошел с картинки уездного рая. Густые кусты смородины и крыжовника за заборчиком, потом яблоневый сад, а за до-

мом – корабельные сосны. Сам же дом требовал ремонта. Краска заметно облупилась, но стены стояли прочно.

Пристав остановил у калитки.

– Прикажете подождать?

Ванзаров прыгнул на утоптанную землю, что подменяла на Парковой улице брусчатку, и приподнял шляпу.

– Вы мне очень помогли, Сергей Николаевич. Дальше я сам.

– Как вам будет угодно...

– Еще маленькая просьба. Видимо, придется у вас погостить денек-другой. Так что не затруднит выделить комнату в участке? Господин предводитель грозился дачей, но это лишнее. Я могу рассчитывать?

– Можете. Найдем что-нибудь, рядом с приемной есть пустая комната. Там и кровать имеется. Матрас и белье вам притащим. Иных удобств не имеется.

– Вот за это низкий поклон, – сказал Ванзаров и не думая кланяться. – И последнее. Пошлите кого-нибудь в Петербург ко мне на квартиру, а то вещей никаких. Даже чистую сорочку завтра не надеть. Там выдадут, спросите эм-м... Ну,

в общем, кто будет в доме, тот и выдаст. Да, и не забудьте сохранить обломок палки. Это важная улика.

Пристав подумал, что вот оно – счастье служить в столице: юнец озабочен чистыми сорочками и обломками палок. А ему, скромному защитнику закона в глухом уголке, порой некогда в баню сходить. От этих мыслей лицо его, и так сосредоточенное, нахмурилось окончательно. В сердцах он прикрикнул на возницу, пролетка припустила по Парковой.

Сняв шляпу, Ванзаров постучался. Открыли сразу, будто подслушивали за дверью. На пороге стояла женщина в простом домашнем платье, с покрасневшими руками. Голова повязана цветастым платком, какие обожают барышни-крестьянки. Пахло от нее свежей кашей и чем-то домашним, из детских снов. Хозяйка приставила ладонь козырьком.

– Никак, сам пристав заезжал?

– Доброго здоровья, госпожа Лукьянова.

– Да уж, нынче госпожа, – ответила она, разглядывая гостя. – А вы кто такой будете?

Ванзаров назвал себя чиновником из Петербурга.

– Мне бы господина Жаркова повидать, – закончил он.

– Ваньку? Так ведь нету его...

– А где же он? Неужели на службе?

– Да кто его знает! Молодой, красивый, сил много, семьи нет, гуляй – не хочу.

– Когда же он ушел?

– Вечером еще. Как вернулся, так и потом снова куда-то

подался.

– Не беспокоитесь, что вашего постояльца до сих пор нет? Хозяйка оправила фартук и уперла руки в боки.

– Чего же мне беспокойства разводить? Он, чай, не ребенок. Никуда не денется. Городок у нас маленький, все свои... Пусть себе гуляет, раз силы есть.

– Жарков частенько по ночам пропадает?

Чиновника из Петербурга осмотрели по-хозяйски и подмигнули.

– Само собой. Дело-то молодое. Сам, небось, не прочь того... Ух!.. Беда от вас, красавчиков, девкам... Ишь, усища какие распустил, аж дрожь пробирает... Что же это на пороге стоим, заходите, господин хороший, я блины завела...

Внутри дом выглядел несколько больше, чем казался снаружи. Гостиная, она же столовая, в которую выходили двери спален и зимняя кухня с дровяной плитой. Крепкий, сытый дом. Мебель не новая, но еще прочная, стулья в чехлах. По народному обычаю по стенам множество живописных картинок: от портрета фельдмаршала Суворова до итальянских пастушков. Фотографии в деревянных рамочках.

– Картинки приглянулись? – спросила хозяйка, заметив, как почтительно гость осматривает ее жилье.

– Да, интересные. Много о вас рассказывают.

– Это что же?

– Например, что попали в этот дом лет двадцать назад кухаркой. Потом у вас с хозяином случилась любовь. Вернее, у

него к вам. А вы и не против, чего же лучше искать девушке из деревни. Детей у него не было, и вам бог не дал. Извините... Повенчались, стали жить как прежде. Да только не много вам было отпущено на семейное счастье. Это не мое дело. Не хотел вас расстраивать.

Хозяйка погрозила пальцем, как шаловливому ребенку:

– Уже насплетничали? Вот бабы, ничего удержать не могут.

– Три часа как с поезда. Раньше в вашем городе не бывал.

– Тогда как же... Неужто пристав наябедничал?

– Все здесь, – Ванзаров указал на снимки. – Надо только присмотреться и сделать простые выводы. Еще раз извините, если напугал вас.

– Ишь, какой глазастый да пронырливый, – сказала она. – Ну, коли не шутите... Так оно и есть. Все это от моего благодетеля, мужа покойного досталось... Теперь одна за него доживаю...

– За комнату много берете?

– Какое много. Так, чтоб не даром уж. По правде, я бы и так пустила, лишь бы живой человек был рядом. Я и стол ему, и самовар всегда, готовить умею вкусно. Ванька, слава богу, добрый. Никогда не обидит, подарочками балует. Известное дело – большой человек, инженер Оружейного завода. А вы где служите?

– У градоначальника, в его ведомстве.

– Скажите! Тоже, видать, при чинах и званиях, хоть и мо-

лодой еще. А с виду – не скажешь. Глаз у вас хитрый, ой, баловник, видать! Барышням погибель... Ну-ну!

Хозяйка даже платочек подправила эдак кокетливо.

– Я ведь Жаркову друг старинный, – сказал Ванзаров. – Мы с Иваном давно не виделись. Очень интересно, как он устроился. Позвольте на его комнату взглянуть?

– А и глядите, не жалко. У нас не заперто. Я пока блинов напеку.

В комнате инженера было сумрачно. Занавески задернуты. Постель не раскрыта, на подушке заметна вмятина. На письменном столе куча книг, инструменты, куски металла и обрезки проволоки. Створка шкафа приоткрыта. Внутри довольно много одежды. Во всем – беспорядок холостяка.

Ванзаров прошелся по комнате, осмотрел чайный столик с засохшим бутербродом и чашкой со следами засохшего чая. Ничего примечательного здесь не было. Он поискал записную книжку или какие-нибудь записи, но ничего не нашлось. Чернильница давно высохла, перо ручки погнуто. Оставалось только заглянуть под кровать. Приподняв свисающий край одеяла, Ванзаров обнаружил дорожный чемодан, довольно объемный. С кухни доносился скрежет сковородки о плиту, хозяйка при деле. Ванзаров щелкнул замками. Внутри были сложены сорочки, нижнее белье, носки, две пары брюк, пиджак шотландской шерсти. Сверху лежала кобура. Ванзаров отстегнул ремешок и вынул новенький, пахнущий маслом наган. В барабане все шесть патронов. Судя по

запаху, оружием не пользовались. В путешествие приготовили. Перебрав вещи, Ванзаров не нашел того, что в дальней дороге необходимо больше всего: билеты и паспорт. Видимо, Жарков держал их в более надежном месте. Что странно и нелогично. Все необходимое для побега должно быть под рукой. Вернув чемодан на место, Ванзаров вышел на кухню.

Сковородка калилась на жестяном противне плиты. Лукьянова мешала тесто. Вот-вот блины пойдут.

– Кажется, Иван в отпуск собрался, – сказал Ванзаров.

– Чего выдумали! Никуда Ванька не собирался. Ему и здесь хорошо.

– Вижу, друг мой не меняет своих привычек: запрещает убирать в своей комнате.

Хозяйка тяжело охнула.

– Такой упрямый. Уж сколько просила, давай хоть подмету, пыль вытру, стыдно же. Так ведь нет – уперся. Говорит: увижу след веника, тут же съеду. Что ты будешь делать! Такой упрямец.

– В котором часу он вернулся?

– Ближе к полуночи. Дружок его, Зайковский, на себе принес.

– Что-то отмечали?

– Что там отмечать! Сил не рассчитал, в голове-то ветер. Я ему рассола поднесла, напился и в чувства пришел. У него хмель не держится.

– Завидное качество, – сказал Ванзаров. – Долго чай пил?

– Нет, пошел к себе спать...

– Когда же из дома опять ушел?

– А вы откуда узнали? – спросила Лукьянова, помахивая раскаленной сковородкой.

– Так вы же сами сказали: ушел вчера.

– И то верно... Уже ночь была, я сплю плохо. Слышу, встал, побродил, пошел по дому, потом дверь хлопнула. Значит, опять на гулянку отправился... Только ведь вернулся уже под утро.

Ванзаров изобразил глубокое удивление.

– Неужели вернулся? И опять ушел? Как же так? Ничего не понимаю...

– Да что тут понимать! Обычное дело. Проснулась, уже светать начало. Слышу: ходит, шуршит. Так вежливо и аккуратно, чтобы меня, значит, не будить. Ну, я вставать не стала, чтобы Ваньку не смущать. Сам знает, где в доме что лежит. Он пошумел и затих. Думала: спать лег. А утром смотрю – нет его. Значит, опять ушел. Такой баловник. Сейчас блиночки подспеют.

Расправив усы, Ванзаров предался очевидным раздумьям.

– Кладовая у вас в сарае или прямо в доме?

– В сарае у нас дрова хранятся, – ответила Лукьянова. – Чего зимой по морозу бегать за всякой хозяйской мелочью? Все под рукой, удобно.

– Позвольте взглянуть? Страсть как люблю запасы разглядывать...

Она отерла руки о передник.

– Ох и чудные вы, городские! Ну пойдем, надо хорошего человека уважить...

В кладовой держался крепкий порядок. На деревянных стеллажах выстроились ряды банок с огурцами еще прошлого урожая, крупы, соль, бумажные пакеты с макаронами. Внизу – садовый инвентарь, стиральная доска и горки посуды.

– Ну как, нравится? – спросила Лукьянова.

Ванзаров искал, за что бы зацепиться, но с виду все было на месте.

– Посмотрите внимательно: ничего не пропало? – попросил он.

Лукьянова хмыкнула на такие чудачества, но просьбу уважила. Осмотрела хозяйским глазом.

– Надо же, – сказала она. – А ведь и правда недостает.

– Кроме сапог, чего еще нет?

– Это как же про сапоги узнали?

– Да так, к слову пришлось. Считайте, что угадал. Что все-таки пропало?

– А, вот он чем шумел! Лопатки нет.

– Лопаты... – поправил Ванзаров.

– Лопатки саперной. Принес на неделе, вещь удобная. Места мало занимает, а если землю под зелень скопать, очень даже ловко выходит.

– А штык у вас тут, случайно, не хранился? Для хозяй-

ственных нужд.

– Это какой же штык?

– Обыкновенный, трехгранный. К винтовке пристегивают.

– Вот уж чудо! Что же мне им, грядки пропалывать?

– А это удобно?

– Вот еще глупости!

– Вы сказали – Зайковский?

Хозяйка сбилась от такого резкого поворота, но подтвердила: именно Зайковский, для своих – Стася.

– Я тоже с ним знаком. Надо бы навестить старого друга. Он где теперь проживает?

– Все там же. В своем доме на Дубковском шоссе.

Ванзаров вынул карманные часы.

– О, как время летит. Задержался. Пора бежать.

– Да куда же бежать! А блины? А Ивана дожидаться?

– Обязательно загляну, наверно, даже к вечеру. Благодарю за гостеприимство.

Под причитания хозяйки, которая надеялась угостить блинами приятного юношу из столицы, а больше – поболтать за столом, он поклонился и вышел. Вместо того, чтобы отправиться в участок, Ванзаров направился напрямиком к кусту, что важным барином торчал над заборчиком. И ветви раздвинул очень резко. Фигура совсем не романтического вида шарахнулась в сторону.

– Повезло вам, что верный браунинг в сейфе забыл, – ска-

зал Ванзаров. – А то пальнул бы на всякий случай, и совесть бы не мучила.

4

Незванный гость

Из тени вышел господин. Лицо его было столь обыденным, что описать или запомнить затруднительно. Ни одной характерной черточки или детальки не удалось бы подметить. Совершенно невзрачный тип. Однако черный костюм облегал плотное и ладно скроенное тело, как мундир, и пошит был действительно отменно. Кобура под ним была совершенно не заметна. Господин был ровесник Ванзарова, хоть и пониже его, где-то по плечо. Но не настолько ниже, чтобы смотреть снизу вверх. Невысокий мужчина за скромным ростом прятал большие амбиции. И страдал вовсе не от нехватки вершков, а от фамилии предков. Славной, но в обычной жизни трагически смешной. Многих подмывало подшутить, но последствия бывали столь неприятны, что второй раз посмеяться уже никто не отваживался, запомнив накрепко: Радецкий-Буй – не повод для шуток.

Он нахмурился довольно натурально.

– За что же это стрелять в мирных прохожих?

– Только в тех, что филерить не умеют.

– Да, не умею и не люблю, – сказал незаметный господин и протянул руку. – Какая удача, что вы не носите огнестрельное оружие.

Они обменялись тем особым рукопожатием, крепким и

быстрым, что водится между старыми знакомыми.

– Даже не представляете, какая удача, – сказал Ванзаров. – Очень рад вас видеть, Леонтий. Чем занимаетесь?

– Выбрался подышать воздухом. А вы какими судьбами?

– Тоже выбрался.

– И тоже подышать?

– Именно этим и занимаюсь.

– Ну, надо же! Чиновник для особых поручений вдруг, в середине недели, бросает все дела и едет дышать воздухом на залив. Я так и подумал.

– Вот видите, как все быстро выяснилось.

– О, я не сомневался. Кстати, а что вы делали в пролетке с приставом?

– Недельский покатал меня по-дружески. Такой замечательный человек. Что любопытно: тоже ротмистр. Какое совпадение.

– Вы уж познакомьте. Может, и меня покатает.

– Это традиция местной полиции. Стоит кому-то приехать из столицы, так его без усталости катают. Непременно познакомлю.

– Надо же, как интересно.

– Вы еще не догадываетесь, как это интересно. Уж вас-то пристав примется катать до полного истощения лошади. Такая важная персона не каждый день посещает уездный городок.

Леонтий смахнул с лацкана невидимую пылинку.

– Да что вы, Родион, какие мы важные, самые рядовые обыватели на свежем воздухе. Самые обыкновенные.

– Кто бы в этом усомнился? – спросил Ванзаров. – Буквально верю в это, как в самую истину. Чем же еще заняться ротмистру Разведочного отдела Генерального штаба⁵, как не дышать воздухом.

– Совершенно не понимаю, о чем это вы, – ответил Леонтий, оглядываясь по сторонам. – Нет никакого Разведочного отдела. Нас категорически не существует. Вы же это прекрасно знаете. И могли бы знать еще лучше, если бы согласились к нам присоединиться. Кстати, предложение до сих пор в силе. Нам нужны такие светлые головы, как ваша. Это я так, на всякий случай.

– Сердечно благодарю. Мне особо лестно слышать это от вас, ротмистр.

– Так что же?

– Отвечу, как и прежде: пока не готов. Видите, какая у меня вольготная служба: на свежем воздухе, и никаких нервных потрясений.

– Кстати, о потрясениях. Что вы делали в том домике?

– Вот в том? – Ванзаров указал через дорогу.

⁵ Военная контрразведка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.